

ЮРИЙ ШИРОКОВ

Хочу, чтобы меня слышали!

КНИГА 1. ЖИЗНЬ – ЭТО ЛЮБОВЬ!

Юрий Широков

Хочу, чтобы меня слышали!
Книга 1. Жизнь – это Любовь!

«Издательские решения»

Широков Ю.

Хочу, чтобы меня слышали! Книга 1. Жизнь – это Любовь! /
Ю. Широков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850322-1

Эта книга — первая часть трилогии о судьбах простых людей в нелегкие для нашей страны годы. События, описанные в этой книге, происходят во времена революций и гражданской войны.

ISBN 978-5-44-850322-1

© Широков Ю.
© Издательские решения

Содержание

Книга 1. Жизнь – это Любовь!	6
Глава 1. Поселок	6
Глава 2. Страшный зверь в поясице «Мудрого»	10
Глава 3. Слово и дело	14
Глава 4. Милашки	17
Глава 5. Семья Грузиновых из села Чашниково	24
Глава 6. 1904 год – война!	29
Глава 7. Ванюша	33
Глава 8. Пластуны	38
Глава 9. Ванюша учится жизни	41
Глава 10. Юденич приехал!	46
Глава 11. Батюшка об Антихристе	58
Глава 12. Антихрист начинает...	62
Глава 13. Пророчества Авеля Вещего	73
Глава 14. Тайна церковного клада	83
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Хочу, чтобы меня слышали!

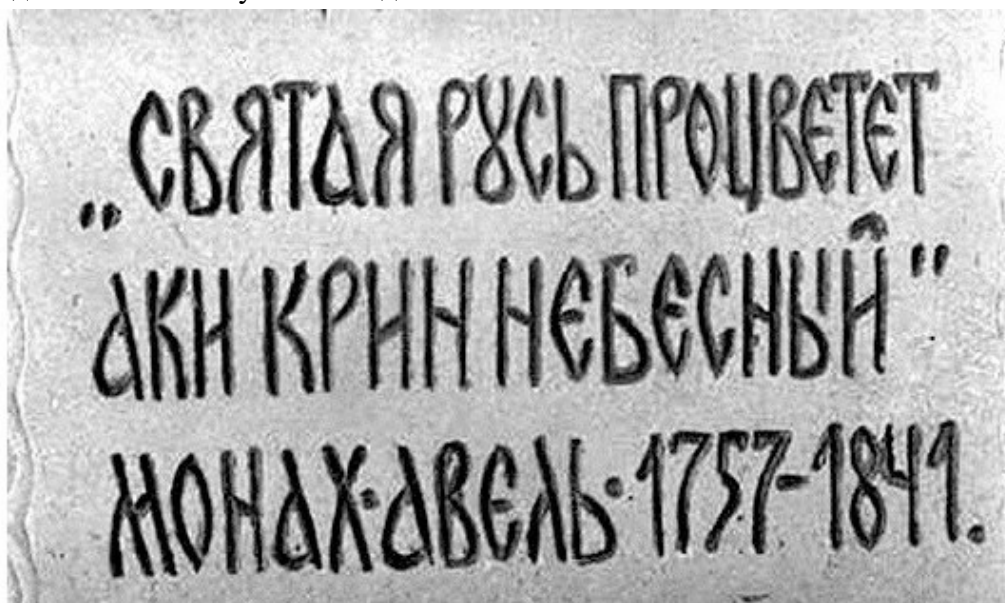
Книга 1. Жизнь – это Любовь!

Юрий Широков

© Юрий Широков, 2017

ISBN 978-5-4485-0322-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Смотри

- вперед – с надеждой,
- назад – с благодарением,
- наверх – с молитвой,
- а вокруг – с Любовью!

Книга 1. Жизнь – это Любовь!

Глава 1. Поселок

Мальчик Саша Колобов, в новой «матроске», почти 5 лет от роду, отданный в детский сад Мамои, служащей в Поселке золотодобывающего прииска приемщицей золота, и по совместительству – начальником отдела кадров, наказанный за то, что наступил на ногу воспитательнице, стоял в углу чулана и плакал.

Даже не плакал, слезы уже давно закончились, а подвывал и повизгивал сорванным слабым голоском, как плачет маленький щенок в первую ночь, проведенную в разлуке с мамой-собакой.

Это наказание длилось уже давно, его закрыли в чулане еще до завтрака.

В маленьком, низком, закрытом на замок чуланчике, было ужасающе темно, дурно пахло гнилыми тряпками и кто-то неведомый и «страшнющий – престрашнющий» деловито, похозяйски так, все ближе и громче шуршал и возился под ногами.

Звуки из детсадовской жизни сюда не проникали. О том, чтобы присесть, а тем более прилечь туда, где обитал некто, не могло быть и речи.

Определить, сколько он здесь, Саша не мог, не умел еще разбирать время. К тому же окон и даже маленькой щели, откуда мог проникать свет, в чулане не было.

Для храбрости Саша попытался представлять себя то одним, то другим героем «хорошим и безвинно страдающим» из разных сказок, которые, чего уж там, тоже иногда плачут «горько-прегорько» в безнадежных ситуациях, в ожидании чуда или доброго волшебника.

Он ведь тоже, как эти герои, совершил почти геройский поступок, хотел сделать, как лучше, как учила его Мама.

Он сделал доброе дело, он хотел помочь упавшей нечаянно Лидочке, которую секретно и о-ч-ч-ч-е-нь – п-р-ре-о-ч-чень полюбил давно.

Уж больше трех дней как.

Лидочка упала, он увидел это раньше всех, и быстрее всех, как настоящий принц из сказки, бросился к ней на помощь.

Он был уже в образе принца, он мысленно летел на своем вороном чуде – коне, не замечая ничего и никого вокруг. Он спешил на помощь своей принцессе.

Но реальность оказалась сильнее сказки и вот он здесь.

И за что?

За то, что совсем чуть-чуть наступил на ногу воспитательницы, пожилой, толстой, усатой и пугливой Гульсары Губайдуловны, которая дремала на стуле под монотонный гул приученных ей к тихим играм детей, не сколько с помощью грозных со смешным акцентом окриков, сколько с помощью пинков, подзатыльников и болючих щипалок.

Когда Сашу привели в первый раз в детский садик и представили воспитательнице, он назвал ее Сарой, потому что выговорить такое имя-отчество он не смог, как не могли делать это даже взрослые без запинки и мата.

«Губойдуровой», а проще «Губой-Дурой» звали ее все поселковые, не исключая врагов народа.

После этого случая, о котором тут же узнали жители Поселка, все с облегчением перестали называть воспитательницу Губой – Дурой, а стали звать простым именем Сара.

Не только, конечно, поэтому, а скорее потому, что первым, после Саши так стал ее величать директор прииска Иван Сергеевич Бельшев.

Иван Сергеевич почитался жителями Поселка полубогом, его слова цитировали, его приказы выполнялись беспрекословно, о его жизни ходили легенды, хотя никто толком не знал, откуда он, и кем был в прошлой жизни на Большой Земле.

«За глаза» все уважительно называли его – «Мудрый» и верили, что пока он жив – Поселку быть, и вся устоявшаяся десятилетиями жизнь будет по-прежнему в меру привычно тяжела.

Ну, уж точно не хуже, чем других людей, а тем более, у колхозников, проживающих за Рекой.

Колхозники жили, по убеждению жителей Поселка, как рабы, и считались по рангу значительно ниже даже «врагов народа», или «сосланных», которых в Поселке было побольше, чем коренных жителей.

«Врагами» называли всех, кто ссылался по политическим статьям, или приезжал на поселение после отбытия наказания в тюрьме или ГУЛАГЕ.

Местные не то, чтобы не любили «врагов», скорее относились к ним, как к людям, совершившим в жизни непоправимую ошибку, предав вольно или невольно интересы Родины.

Никто и никогда не пытался оценить глубину и последствия их ошибок, а относились, к «врагам», как к больным или убогим. Не отказывали в помощи, не ограничивали себя и их в дружеском общении и помощи.

Российский народ всегда относился так к заключенным, всегда их жалел. Как говорится-от тюрьмы и от сумы...

А после того, как культ личности Вождя развенчали, многие «враги» оказались и не врагами вовсе, а незаслуженно осужденными, то есть обиженными властью и безвинно пострадавшими.

После этого, уже не враги, а советские граждане автоматически перешли в разряд местного населения.

Выяснилось вдруг, что многие из них умнее и опытнее местных во многих вопросах, в том числе и в вопросах управления и руководства.

«Враги» же до культа проживали в Поселке с поражением в гражданских правах и использовались в качестве простых работяг на самых тяжелых участках и не могли, поэтому, в полной мере использовать свои знания, таланты и интеллект.

«Врагам» начали доверять учить, лечить, руководить. За них, как за невинно пострадавших, с удовольствием и даже с некоторым облегчением и радостью голосовали на выборах в Поселковый Совет, в районное и областное депутатство.

Сара свое новое имя возненавидела и перенесла большую часть ненависти с Саши на его маму, молодую, трудолюбивую женщину, по виду почти еще девчонку, но тем не менее, уважаемую Поселком. Мамина должность на службе считалась одной из главных в Поселке.

Еще бы! Через ее руки проходило все золото, добываемое в Поселке. Тонны золота!

Она перевешивала на медицинских весах благородный металл, свозимый со всех участков золотодобычи и старательских артелей. Потом происходил процесс очистки золота «царской водкой» – смесью концентрированных кислот, снова взвешивание, упаковка в двойные свинцовые банки, составление кучи бумаг, накопление объема.

Венчал этот процесс прилет специального «борта» – самолета-«кукурузника», который вызывался посредством специального зашифрованного кода о времени прибытия и отлета, весе перевозимого золота.

В список главных и уважаемых профессий входили еще весь управленческий состав прииска, директор школы, начальник Продснаба, его заместитель и бухгалтер, главный врач больницы и, конечно, местный зубной техник Валерьяныч, из «интеллигентов» и «врагов», крепко и часто «поддающий».

Техник попал в этот список, потому что зубы гнили у всех, даже у секретаря парткома. В любом состоянии своего организма, а состояний было всего два – сильное алкогольное опьянение и похмельный синдром, Валерьяныч успешно боролся с любыми зубными болячками, да и не только с зубными. Синдром, а слово это принес в Поселок сам Валерьяныч, понравилось своей необычностью и загадочностью смысла и состояние похмелья начало именоваться в Поселке «синдромом Валерьяныча».

Опытные больные знали, что на прием для борьбы с этим самым синдромом лучше идти с «чекушкой» – 250-миллиграммовым бутылком водки. Именно такого объема, но не ни в коем случае не больше.

Процесс распития этой дозы назывался «починиться».

После «починки» руки у Валерьяныча переставали трястись, и он выполнял необходимые процедуры быстро и безболезненно. Если доза была выше, лечение могло перенестись на следующий день или еще на дольше. Ну, к примеру, на месяц. Тогда или терпи, или отправляйся в районный центр.

Мама воспитывала Сашу с двухмесячного возраста одна. На время работы оставляла нанятой за еду няньке – древней, вредной, набожной старушонки, которой надо было ко всему прочему готовить отдельно во время ее бесконечных постных дней.

Муж Галины Александровны или Галочки – красавец, гармонист, скандалист, картежник и жуткий ревнивец, был посажен показательно по постановлению Народного суда за коллективный дебош в клубе с председателем Поселкового Совета и родственником председателя – статным усатым военным, во время празднования Нового, 1958 года.

Во время короткой драки на танцах, затеянной красавцем-мужем по причине ревности к бравому военному, пострадала больше всех красавица-елка.

Из ее чрева извлекали потом по-очередке и председателя, покрытого хвоей с блистающим всеми цветами радуги от мелкого боя разноцветных игрушек синяком под недремлющем председательским правым оком, и слегка помятого, с обвисшими усами, но веселого, военного с оторванным погоном.

Все закончилось, как всегда, обоюдными заверениями во взаимном уважении и совместным возлиянием в буфете клуба всеми участниками и зрителями привычного, и где-то даже традиционного, процесса праздничной беззлобной русской драки.

Нашлись доброжелатели, доложили «куда следует», и к удивлению всех жителей Поселка, включая председателя, красавец муж Владимир и его приятель Виктор были взяты под стражу и заперты до суда в одной из комнат дома пожарной охраны.

Суд состоялся в том же клубе и был воспринят поселковыми как очередное редкое культурное событие, чем-то вроде концерта захудалой труппы областной филармонии.

Присутствующие из местных шутовали, грызли семечки, весело и беззлобно матерились, приветствовали и подбадривали главных героев.

Только «враги народа», сидели молча, с какой-то пугающей отрешенностью, их жены незаметно крестились, что-то шептали про себя и тихо подвывали.

Неожиданно строгий приговор суда всех ошарашил и поверг в уныние, ребята-то были уж очень молодые, работающие и веселые, вся жизнь впереди.

Судья, вовлеченный в процесс угрюмого, по случаю несправедливости жизни пьянства, прикрывался от расправы мятой бумагой, на которой был напечатан Указ об усилении борьбы с хулиганством.

На следующий день красавец-муж вместе со своим «неразлей-вода» приятелем, провожаемые всем миром как будто на войну под гармошку, в сопровождении участкового милицейского инспектора Пономарева Петра Ивановича, на пароходе с большим колесом, отбыли по Реке в места не столь отдаленные.

До этого случая жители были уверены, что такого удаленного места, как их Поселок, на всем белом свете и быть не может.

Глава 2. Страшный зверь в поясице «Мудрого»

Сара, прооравшись от испуга, по случаю которого неожиданно ощутило писнула в новые, впервые надетые, теплые китайские рейтузы фирмы «Дружба», не дослушав Сашины вслипывающие извинялки, молча взяла его за ухо, затолкала в чуланчик. Пользуясь темнотой и безнаказанностью, незаметно и очень больно пнула ногой, от чего Саша больно ударился головой о что-то очень твердое и железное.

Дети были отправлены спать, о Саше не вспомнил никто ни разу, он всегда был самым тихим в садике и поэтому незаметным.

О нем не вспомнили и после сна, и после полдника, и после занятий, и нашли за закрытой дверью бледного, в бессознательном состоянии лежащим вниз лицом, уже поздно вечером.

После жуткого протяжного крика, потрясшего и до смерти напугавшего детей, маму и других родителей, пришедших вечером за детьми.

Никто так и не узнал, что его так напугало, крик был последним звуком, вырвавшийся из его рта. Он только трясся и молча прижимался к маме.

На пожарной машине Сашу доставили в больницу и положили в палату вместе с мамой. Он по-прежнему молчал, слезы текли у него из глаз, дрожь в теле не проходила, он забывался ненадолго в коротком сне на руках у мамы, но как только его пытались потихоньку переложить на кровать, хватался за мать и опять замирал, утомленный дневными и ночными ужасами.

Женщины в палате плакали и вспоминали недобрым словом Сару – Губу-Дуру.

– И как сволочь эту к детям-то допустили, а ведь ходили слухи, что ей только зверей диких доверять можно, они из одной стаи – громко возмущались женщины.

Но время лечит, страхи потихоньку рассеялись, и Саша стал осваиваться в новом для себя больничном мире.

Его, как мужичка, определили в общую мужскую палату, мама расположилась в женской, но на ночь забирала Саше к себе. Пока еще он не мог в темноте надолго оставаться один, во сне его коржило в молчаливых, и от этого еще более страшных ужасах.

Днем тоже никто от него не слышал ни слова, ни звука.

Он понимал все, о чем его спрашивали, но в ответ только кивал головой. Не помогли ни областные врачи, срочно вызванные Мудрым, ни бабки – целительницы.

И даже зубной техник, осмотрев Сережу и выяснив все обстоятельства дела, только покачал головой, грязно выругался и запил на месяц.

Зато безвинно пострадавший стал, как говорится, «любимцем публики» мужской и женской палат и всего больничного персонала, не исключая строгого главврача Ивана Платоновича.

Вскоре больничные дни стали самыми счастливыми из всей короткой Сашиной жизни.

В поселковой больнице было три палаты – мужская, женская и еще одна особенная, без названия.

В мужской и женской палатах стояло по 12-ть одинаковых металлических кроватей, занятых примерно наполовину.

Стены, кровати и прикроватные тумбочки были выкрашены в белый цвет, постельное белье тоже было белым. На этом фоне ярким пятном выделялась черная радио – тарелка. Она же была источником единственного развлечения-коллективного прослушивания радиопередач с дальнейшим обсуждением наиболее интересных моментов.

Под тарелкой висел отрывной календарь 1959 года с наполовину оторванными листочками.

Третья палата все время была закрыта и открывалась только по особенному случаю, когда кто-нибудь умирал или карантин какой случался.

Мимо этой палаты все старались проскользнуть быстро и молча, даже у взрослых мужичков она вызывала мистический страх. Такое чувство вызывает морг, но в Поселке это заведение отсутствовало за ненадобностью, поскольку всех умерших провожали из родного дома, там же покойники лежали, как положено, три дня, там же их готовили в последний путь, оплакивали и провожали с порога родного дома до могилки, как водится, всем обществом.

Больницу в Поселке построили по распоряжению Мудрого.

То есть, больница то раньше была, но располагалась в такой развалюхе, что поселковые старались обходить ее стороной даже, если болели сильно. Кто был посостоятельнее, ездил лечиться в райцентр, пароходом или на телеге. Добирались за несколько суток, если повезет и не будет наводнений, во время которых Поселок полностью оказывался отрезанным от остального мира. Тогда связь с Большой Землей прерывалась, почта не приходила, продукты использовали из запаса, создаваемого на складах Продснаба, телефон тоже не работал, обязательно какой-нибудь столб да смывало.

Наводнения случались часто, Река была горная и широкая, когда разливалась, сносила колхозные деревеньки, которые отстраивались заново, как будто в отместку Реке. Река потом снова делала свое дело, вот так и существовали. Почему не переселялись в безопасное место, никто объяснить не мог, хотя вокруг столько земли, столько тайги. Видимо всех связывала Трасса, которая петляла среди тайги от деревни к деревне и на ее направление никто не покушался.

Мудрый, первым делом, сразу после того, как занял должность директора прииска, дал задание построить больницу и детский сад. Благо материал дармовой, лиственницы в тайге валом, пили и вывози по зимнику.

Мастеров тоже хоть отбавляй, особенно среди сосланных. Кого только нет, и инженеры и рабочие любых специальностей. И строить готовы бесплатно, в свободное время, хотя его-то было у всех совсем немного.

Построились быстро, Мудрый «выбил» медицинское оборудование, даже зубо врачебный кабинет оснастил.

Больница получилась на зависть всему району, да что там району, ни в одном поселке треста «Амурзолото» не было такой больницы с таким персоналом, который Мудрый правдами и неправдами собрал со всей области.

Потом уже опыта строительно-согласовательного поднабрались и клуб осилили и большую школу.

Была в Поселке раньше восьмилетка, сделали десятилетку, да потом еще по указанию райкома интернат построили с общежитием, чтобы детки из близлежащих колхозов и поселков маленьких могли учиться. С учителями проблем не было, для молодых специалистов хорошие комнаты с мебелью в отдельном бараке выделяли, дровами бесплатно обеспечивали.

Ехали из областного пединститута в Поселок охотно, а специалистов там готовили хороших, студенты – то учились тут из всей страны, и из семей «врагов» тоже. Где им еще учиться? В столичные ВУЗы им дорога закрыта.

Готовили в области и золотодобытчиков, техникум был специальный и институтский факультет тоже.

Мудрый сам ездил туда перед распределением, заманивал к себе самых способных студентов. Не к себе в прииск, конечно, а в трест «Амурзолото».

А уже оттуда ребята, с которыми он договаривался на собеседовании, попадали в Поселок. Ехали в уже подготовленное для них жилье в том же самом бараке, в котором проживали молоденькие учительницы. Дело молодое, возникали семьи, которые уже основательно обосновывались в Поселке. Рожали, оставались навсегда, получались целые династии.

Мало-помалу Саша перестал бояться темноты, окончательно утвердился в мужской палате.

Не престало мужичку ночевать в женской!

Чайку там попить со сладеньким, к примеру, еще куда-никуда, а общаться-то надо с мужиками!

На общем собрании мужской палаты решили отпустить маму на работу, пусть, дескать, не волнуется.

Настоящие мужики должны справляться со всеми бедами и болячками сами, на то они и мужики!

А женщины пусть супы да каши варят!

Еще перед тем, как отпустить маму, на мужицком собрании решили, что не будут без дела слоняться по больнице и лезть не в свои дела, а возьмут, да и научатся читать, писать и считать. Но сделают это тайно от женщин, в том числе и от мамы, пусть потом поудивляются, поохают!

– Мужик сказал – мужик сделал!

Занятия проводили по очереди, в качестве букваря использовали газеты, реже книги. Детских книжек в больнице не оказалось, а во взрослых описаны длинные истории, пока до конца доберешься, забудешь, с чего и начиналось то все.

А в газете все интереснее, начинаешь читать и быстро узнаешь конец истории.

Ну, там, к примеру, посеяли, собрали большой урожай и орден получили! Молодцы!

Или сталь откуда – то вылили и тоже орден, пожалте Вам!

Красота, да и только!

Как-то быстро и незаметно Саша научился из буковок складывать слова, из слов предложения. Но делал это письменно, на бумаге, говорить не умел.

Задуманный план реализовался не только полностью, но и с перевыполнением. Научились не только читать, но и писать одновременно.

Память у Саши была потрясающей, он мог запомнить, прочитав однажды, целую статью и воспроизвести ее на бумаге печатными буквами полностью, включая знаки препинания.

Грамматические премудрости по понятным причинам Саше никто не объяснял, если и делал ошибки в словах, ему говорили, что такое слово пишется, к примеру, через «О», а не через «А» и он запоминал это навсегда.

Считать до ста, а потом до тысячи, а потом «до сколько захотите», тоже учились недолго...

С помощью деревянных палочек, сделанных из кустов краснотала, в изобилие произрастающим вдоль больничного забора.

Сначала складывали кучкой 10 палочек и говорили, что десять таких кучек будет 100. Две кучки по сто уже 200. Десять таких кучек будет тысяча. Дальше Саша сообразил сам и, когда однажды написал на бумаге вопрос, как называется тысяча тысяч, все чуть с кроватей не попадали.

В перерывах между занятиями и лечебными процедурами гуляли по очень большому больничному двору, разговоры разные разговаривали, все угощали Сашу разными вкусняшками и вообще любили рассказывать ему всякие занятные истории.

Слушатель он был идеальный! Слушал с интересом, не дремал никогда, не перебивал и не отвлекался на разные глупости.

Вскоре Сашиным соседом по палате на койке справа оказался сам Иван Сергеевич Бельшев – «Мудрый»!

«Зверь» какой-то в пояснице у него поселился, и уходить из этого теплого места не торопился.

Саше главврач Иван Платонович поручил взять самое, что ни на есть внимательное шефство над Сергеем.

– Сам видишь, брат ты мой! Плох Сергеич, вставать не может, ты уж помогай ему соседски, воды там подать, или еще чего. А самое главная твоя обязанность будет ловить пчел

и аккуратненько так, главное, чтобы тебя самого не цапнули, складывать вот в эту склянку – подробным образом проинструктировал Главврач.

– Научу тебя потом, как сделать так, чтобы пчела куснула Сергеича в нужную точку на пояснице.

– И не смотри на меня так грозно, это делается не для того, чтобы Сергеичу больно стало, а для того, чтобы зверя этого противного из поясницы прогнать окончательно. Такая, брат ты мой, штука эта – медицина! Сделай больно, для того, чтобы излечить, но и не навредить при этом. Вот видишь, плакат медицинский в коридоре висит, на нем змея вокруг чаши обвилась. Змея животное вредное и опасное, но из яда ее делают лекарства, которые людям помогают. Так и яд пчелы используют, чтобы радикулит излечить. Так что, не сомневайся, а лови пчел и вместе мы победим этого самого радикулитного зверя.

– Верно ли я говорю, Сергеич?

– Да, объяснил ты очень доходчиво, хоть сейчас тебя лектором – пропагандистом назначай!

– Ну, что, Сашок, поможешь мне? – улыбаясь, спросил Мудрый – Саша с готовностью радостно закивал головой.

– Как все-таки повезло, что я попал в больницу. И читать – писать научился, и вообще здоровски все – сам Сергеич помощи у меня просит, это уж я совсем взрослый стал – думалось Саше.

Так день-за днем проходили счастливые для Саши летние деньки. Одно только плохо! Голос так и не хотел возвращаться.

Мама забегала каждый вечер ненадолго, подкармливала домашненьким, но Саша ел понемногу только из вежливости, чтоб мамочку свою не обидеть. В больнице кормили хорошо, да и сладких вкусовостей перепадало и от больных, и от санитарок и нянечек.

У него в тумбочке скопился целый склад конфет.

– Больше чем в Продснабе – шутил главврач.

Конфеты Саша как-то не очень любил. Вот печенюшки, это другое дело! Или ватрушки там всякие!

«Болявое» население женской и мужской палат уменьшалось, лежали долго в основном старушки.

Работным людям разлеживаться некогда, лето короткое – надо и сено заготовить, и рыбалка подоспела, грибы-ягоды, огороды.

Без этого не выжить.

Да и лежать в больнице считалось в поселке делом стыдным, лежишь – значит, лентяй, болеешь очень – на вертолет и в район!

Рожать и умирать – это, пожал-л-те, в деревенскую больницу – это святое.

Вот и Иван Сергеевич почти добил с помощью Саши своего злобного «зверя» в пояснице.

Торжествующий час победы над супостатом был назначен на «завтра, сразу после обхода».

Иван Сергеич по строгому секрету, на ухо, шепотом, на прогулке, в зарослях черемухи сказал, что завтра будет день особенный, и эту особенность подтверждает необыкновенная красота и яркость вечернего заката.

– И, поэтому, именно завтра мы с тобой – нашептал он – проведем секретную от всех операцию, после которой слова наконец перейдут оттуда, куда спрятались, в твоё горлышко, и ты будешь говорить и все будут слышать и понимать тебя. А потом, «на радостях», мы споем с тобой мою любимую песню про танкистов – ты ее знаешь.

– Ну, пока еще спать не пора, давай посидим, про жизнь поговорим, что-то взгрустнулось мне...

Они сели на скамейку, вздохнули каждый о своем.

Глава 3. Слово и дело

– Вот смотри, Сашок, что такое слово, кажется, просто сказал и забыл – задал тему разговора Сергеич. Ан, нет! Любое слово, произнесенное в разное время в разных местах может убивать, а может спасать.

– Вот тонет человек, крикнет одно только слово: «Помогите!», а кто-нибудь услышит и, раз – чудо случается – спасение пришло и живет человек дальше.

– А не смог бы крикнуть, – и он выразительно посмотрел при этом на Сашу – и могли случиться большие неприятности.

– Или вот, как в войну было. Ведь нельзя никогда человека человеку убивать, он такой же, как и ты, и тоже жить хочет.

– А назвали человека, к примеру, врагом, что тогда? Тогда можно и даже нужно!

– Одно только слово – враг, был человек, а стал враг!

– Одно слово, а все изменилось. Даже ни у одного человека, а у целой страны, даже у всего человечества, у всего мира! Не ты назвал человека врагом, а все люди нашей страны, да и не только нашей. Но и ты, и все остальные знают, что он враг и должен быть уничтожен. Тем более, что этот враг показал, что он точно страшный враг, ты видел это в кино.

– И мы для него враги, вот и началась война, и все из одного слова – враг.

– Миллионы людей пострадали из-за одного урода, больше четырех лет воевали, чтобы уничтожить зло, которое этот враг породил.

Вот что значит одно только слово!

– Вот-так-то, «братишка-молчишь-ка»! Человек никогда не должен обижать другого человека, в первую очередь словом, пусть даже если претерпел от него, как, например, ты от воспитательницы. Она совершила, конечно, недостойный поступок, но сделать ей в отместку плохо – это грех. Ты чуточку позже узнаешь, что это такое грех и почему нельзя совершать его. Узнаешь, как и кем человеки будут наказаны за свои грехи, вольные и невольные, ведомые и неведомые, за все сразу и за каждый в отдельности.

– Все очень просто. Чтобы не быть наказанным, не совершай плохих поступков и лучше будет твоей душе, о ней тебе тоже надо обязательно рассказать подробней.

– Душа в человеке главное, хоть и никто из людей не знает, какая она из себя и где обитает. А пока просто запомни – никогда даже не думай, что можно запросто убить, или ударить. Но если вдруг угрожают тебе или другим, пусть несимпатичным тебе, но неспособным защитить себя людям – действуй и не бойся ничего, страх – это тоже один из грехов.

– Никогда не думай, что кто-то может быть выше или сильнее тебя и может управлять тобой. Все люди равны, и никто не может заставлять тебя против твоей воли выполнять приказы. Только мамины приказы и просьбы нужно выполнять, не задумываясь.

– Она родила тебя и никогда не пожелает тебе плохого. Береги ее, Сашок! Она твоя мама на всю жизнь, и пока она есть у тебя – ты сын и ребенок. Она самый нужный в жизни и родной для тебя, а ты для нее – самый любимый человек на всей земле.

– Эх! Если бы была жива моя мама, я бы сейчас сделал для нее все и даже больше, и любил бы и не отпускал от себя, и сам бы никуда от нее не уезжал. Сидел бы рядышком и плакал от счастья.

– Когда-нибудь ты встретишь женщину, и полюбишь ее, у тебя будут друзья, и тебе будет казаться, что они лучше и важнее, чем мама, и может даже могут ее заменять.

– Запомни, – никто никогда никого не заменяет. А маму тем более никто не сможет заменить!

Мама – она одна, она твоя и только твоя, ну, пока не появятся у тебя братья и сестры.

– Есть Мама, а есть остальные люди – ты их будешь тоже любить, или ненавидеть, или ненавидеть и любить в разное время жизни, но не любить маму нельзя, просто нельзя и все. Мама твоя тоже когда-нибудь станет старенькой, может старше даже, чем бабушка Козьмина из соседней палаты, а ты станешь таким как я сейчас, и не улыбайся, это случится обязательно. И тогда не мама тебя, а ты будешь защищать ее, ну и, конечно, других людей, которые будут рядом с вами.

Вырастай, становись сильным, умным, храбрым, и всем будет хорошо.

Не ленись, не проси того, что можешь найти или сделать сам, не нарушай обещаний, которые дал, не предавай, не завидуй, помогай пожилым людям, больным или несчастным по иным причинам, вот, собственно, и все.

– Ты спросишь, это и будет счастье? Как в сказках, когда все «хорошие» становятся богатыми и любимыми народом и верной красавицей – женой —принцессой.

– Нет, иногда, и даже чаще всего, честные и благородные несчастливы и небогаты, но душа их чиста, и счастье их кажется мелким и незаметным тем, которые считают этих счастливых неудачниками.

Единственно возможный путь в жизни – это путь правды, даже если надо идти против всего мира, но только не для того, чтобы получить какие-нибудь блага.

– Допустим, тебе удалось то, к чему ты стремился... Ты добился своего, все тебе уступили, все, что ты хотел, ты получил. Дальше что? Хорошо тебе? Людей обидел, а когда получил, или купил, или с неба свалилось, никакой радости нет, а если есть, она ненадолго.

– Ну вот, все, что есть на Земле, пусть даже больше, и луна, и солнце твои, все для тебя. Счастлив ты?

– А как же остальные? Им тоже солнце с луной требуются. Вот поэтому и нет мира, нет покоя в душе, даже, если луна у тебя под подушкой заныкана.

– Встань за правду, за благое дело для других, и ты не прогадаешь в главном.

– А самое главное – это твоя, понимаешь, душа. Потому что, все то, что за счет души, это очень невыгодно, это все равно, что взять и собственную почку или легкое кому-то продать. Это бессмысленно, потому что потом будешь так болеть, что не сумеешь даже воспользоваться плодами своего поступка. Если ты, конечно, продашь за деньги, а не отдашь добровольно, идя на страдание, чтобы просто помочь.

– Понимаешь, о чем я тебе говорю?

Саша кивнул, он слушал Сергеича, пытаясь запомнить все, что тот говорил. Было жутко интересно и радостно этой самой душе, потому что сам Сергеич разговаривал о серьезных вещах с ним, как со взрослым! Никто и никогда так с ним не разговаривал, а если и разговаривали, то шутя, с другими интонациями, как с больным, что ли.

Саша замер и боялся даже пошевелиться, чтобы не закончился этот разговор, чтобы Сергеич сидел и говорил, чтобы миг окончания «взрослого», «мужского» разговора не наступал подольше.

Ой, как хочется всем нам в детстве хоть немного побыть взрослым, и как хочется в остальной жизни хоть на минутку вернуться в детство! Хотя бы во сне. Взлететь и парить в свободном ночном полете в счастливом детском сне, а днем, во время дождя, прыгать с необъяснимым щенячьим восторгом по лужам, упасть в самую глубокую из них и смотреть в дождливое небо.

А лужа такая теплая, а небо такое невероятно большое и непонятно, как на нем держатся облака, которые похожи и на слона, и на летучий корабль одновременно...

– Ну ладно, что-то заболтался я, теперь я хочу поговорить с тобой, действительно по-мужски. Готов? – прервал Сашины размышления Сергеич.

Саша даже рассердился на себя – отвлекся все-таки, подумалось с досадой.

– Если ты хочешь, завтра мы с тобой вместе сможем попробовать сделать одно важное дело – вернуть тебе твой голос.

– Только я настоятельно тебя прошу, никому ни слова до поры! Договорились?

– Верю – удача будет ждать нас, если мы оба сделаем все правильно! Я сам не делал этого уже давно, но не забыл, как это делается – продолжал Сергеич.

– Признаюсь тебе, брат ты мой, что мне немного не по себе и даже страшновато как-то. Я – то понимаю, почему мне страшновато. Потому что не ведаю, как будет воспринят мой поступок...

– Ладно, это я так, не бери в голову.

– Да, представь себе, бывает, что и взрослые мужики боятся, нет страха только у психических больных. Психические – это несчастные, которые богом обижены такой головной болезнью.

– Почему завтра? – спросишь ты.

– День завтра необычный будет, посмотри какой закат!

Саша внимательно посмотрел на небо, но ничего такого особенного не увидел. Видел он за свою жизнь вещи поинтереснее.

Но потом присмотрелся и уже не мог оторвать взгляда от облаков причудливой формы, похожих на печенюшки в виде разных диких зверей, облитых разноцветным сиропом.

Эта яркая небесная картина как будто застыла и повисла в воздухе, словно была прибита к стене и висела там всегда, а теперь уже не исчезнет никогда.

Саша даже вздрогнул, когда Сергеич тронул его за плечо и попросил сосредоточиться.

– Ты хочешь говорить? – Саша утвердительно кивнул.

– Ты будешь говорить! Я завтра буду просто читать тебе одну необычную волшебную книгу – сказал Сергеич – а ты постарайся слушать меня очень внимательно, попробуй представить себя там, где тебе очень хочется оказаться и, главное – верь тому, что голос вернется к тебе, и что тебе он, ну, просто очень, очень необходим!

– Как только услышишь призыв – ГОВОРИ! – тебе после этого может вдруг стать не по себе, или страшно, все одно – постарайся сказать громко – да, Господи!

Если запомнил – кивни.

Саша кивнул, и даже для убедительности сделал это почему-то три раза.

– Как интересно – подумал он... – как в сказке, только чуток страшновато, вон и Сергеич сказал, что ему уже сейчас не по себе.

– А если уже сейчас, как в сказке, что будет завтра?

– Как хочется «чудес до небес» прямо сейчас!

Сергеич продолжал что-то говорить, но говорил он уже совсем не так, как недавно. Он смотрел Саше в глаза и как будто читал или «декламировал», нет, декламировал – такое нелегкое слово Саша выучил в садике перед утренником.

Сашин взгляд снова «зацепился» за картину, прибитую к небу – что-то я притомился немного сегодня, надо немножечко полежать – подумалось ему.

Он прилег на скамейку и возобновил попытки слушать Сергеича внимательно.

Сергеич все декламировал, но слова его разлетались как птицы в разные стороны и никак не хотели присесть рядом.

Глава 4. Милашки

Небо вдруг стало одновременно голубым и розовым, какие-то всполохи появлялись то в одном, то в другом месте. Потом сполохи стали похожи на картинки из его любимой игрушки – калейдоскопе.

Картинки в калейдоскопе волшебнo рождались и никогда не повторялись, если смотреть одним глазом и немного крутить.

Только на небе были не картинки, а огромные картинищи!

Между тем, некоторые слова, а потом целые фразы, перестали попадать в уши. Сосредоточиться и вслушаться в речь Сергеича никак не удавалось, а даже очень наоборот.

Сам Сергеич и черемуховые заросли начали исчезать, медленно растворяться в воздухе, и Сашка тоже почувствовал, что начал растворяться вместе со всеми.

Он растворялся, растворялся, потом перестал растворяться, снова стал самим собой, поднялся к облакам и полетел через огромные калейдоскопные картины.

Летать было приятно, ну о-ч-ч-е-н-ь!

Душа – вот она оказывается где, восторгалась необыкновенным, желанным, нескончаемым свободным полетом. Саша менял высоты, летал то вниз головой, то совсем наоборот, резко взмывал вверх и стремительно падал вниз так, что аж сердчишко подступало к горлышку.

Казалось, что оно сейчас выпорхнет и полетит рядом с ним по велению маленькой восторженной души.

– Как жалко, что мамы нет рядом! Она бы гордилась мной! А детсадовские, особенно старшие, обзавидовались бы! Вот бы так полетать вместе с Лидочкой над детским садиком!!!

Полет длился довольно долго, но вдруг Саша почему-то понял, что летательность подходит к концу, но обидно не было ничуть.

– Птички летели, летели и прилети! Саше на головочку сели – вспомнилась прибаутка, которую мама говорила ему маленькому, ну совсем-совсем маленькому, он давно уже забыл себя таким или не помнил никогда?

– Ой, а как приятно видеть себя маленьким, даже плакать захотелось.

И Саша всплакнул незаметно, втихушку, правда незаметно от кого? Никого же нет рядом. Но все-таки, стыдновато как-то было, большой уже нюни распускать.

Он вытер слезы и снова загордился собой, ну, совсем чуток – он теперь умеет летать и может делать это всегда, когда захочет.

Он даже не летчик, он важнее всякого летчика, ему не нужен никакой самолет!

Скорость полета ощутимо замедлялась, Саша плавно покружив под куполом откуда-то возникшего волшебного замка, опустилсЯ отдохнуть в оказавшееся, так кстати, удобное мягкое, как пух, кресло.

Душа и сердечко заняли свои места, усталости не было, было ощущение наступления большого праздника, как перед Новым Годом или днем рождения.

Еще хотелось срочно – пресрочно с кем-нибудь поделиться радостью и рассказать о своих новых успехах в пилотировании, нет не в пилотировании, а в летательности, или в летатировании?

– Запутался совсем! Где все? Я, что ли, один здесь совсем? Может полететь обратно?

– Поговори со мной – раздался приятный голос откуда-то сверху, и зазвучала торжественная музыка.

Как в больничной палате из черной тарелки, только в больнице наоборот – сначала гимн, а потом голос, а здесь – сначала голос, а потом музыка.

Голос в «тарелке» всегда был скрипучий и торжественный, а этот голос был как мамин, или как у Сергеича – родным.

Перед Сашей на золоченом троне восседал появившийся ниоткуда, кто-то очень важный, в одежде, покрытой разноцветными блестками. Он смотрел на Сашу строго, но не страшно.

Взгляд его был похож на взгляд мамы.

Тогда, когда она, понарошку строжась, говорила – ну, смотри у меня.

Саша вежливо поприветствовал незнакомца, как учила мама, после чего тот улыбнулся и заговорил.

Слов, которые произносил этот странный человек с добрыми, как у Сергеича глазами, Саша не знал, но при этом уверенно отвечал, и тоже какими-то смешными словами, которые про себя назвал кадаброй – бадаброй.

Вокруг незнакомца вертелись маленькие и симпатичные зверьки с умными, человеческими глазенками и с интересом поглядывали на Сашу. Из слов волшебника, а Саша точно был уверен, что это волшебник, выходило, что сегодня он здесь, чтобы поближе познакомиться, подружиться и поиграть с этими милыми зверушками, а завтра они встретятся снова и Саша получит ответственное задание.

Он должен будет за этими милашками ухаживать, и даже, возможно, будет их защищать.

– Но от кого защищать, будет ясно завтра, ведь завтра день необычный, вспомни закат – «прокадабрил» волшебник.

– Будь готов к подвигу, может быть придется быть, ну очень храбрым.

– А пока познакомься с нашими милашками.

Тут же набежали зверушки, закружили, затискали, потащили играть, сначала в «пятнашки-прятки», потом в лапту, дальше еще в «ручеек».

В «ручеек» – это когда все разбиваются по парам, берутся за руки и образуют такой коридорчик. Потом последний, который остался без пары, проходит по этому «живому» коридорчику и выбирает себе в пару любого, кто ему нравится в этот момент, или вообще. Тот, который после этого остался один, сам идет и выбирает тоже себе кого-нибудь, кто нравится ему. В результате все друг-другу нравятся и начинают дружить.

Это было интересно и смешно, потому, что у зверушек вместо рук были лапки, и они вдруг становились ростом с Сашу, когда он их выбирал. А когда они брались за лапки друг у друга – снова становились маленькими.

Смешной получился «ручеек».

В «прятки и пятнашки» тоже было «здоровски» – бежишь за одним зверьком, только почти догонишь, а их вдруг становится двое и даже больше.

А еще зверушки могли изменяться и превращаться друг в друга или в кого-нибудь незнакомого так быстро, что Саша путался и останавливался, а милашки хохотали, но совсем необидно. Саша вместе с ними тоже смеялся и жалел, что, вот не может делать все-все так, как его друзья.

А потом танцевали, водили хоровод, как в Новый год, вокруг серебристой елки. На вершине елки сидел волшебник, а игрушки на елке тоже пели, иногда спрыгивали с веток и пускались в пляс.

И это было неудивительно, потому что игрушками и были сами зверушки – милашки.

Саша рассказал новым приятелям о своем большом друге, «который там, в больнице». Милашки заверили, что выбор друга сделан совершенно правильно и они тоже знают его хорошо, и он им тоже большой друг.

Потом настала пора прощаться до завтра, «милашки» разбрелись кто-куда, кто-то уснул прямо на полу около елки, кто-то спрятался в ее ветвях, а один зверек вообще оказался у Саши в кармане.

Играть стало не с кем, да и сам Саша изрядно подустал.

И тут он вдруг подумал, что ни с кем из зверьков он так и не успел толком познакомиться, то есть они-то узнали про него все, а он – нет.

– Пойду-ка я попробую что-нибудь «разведать» – подумал Саша, и тут же оказался снова в волшебной комнате.

– Знаю, знаю, что ты хочешь у меня спросить – опередил волшебник Сашин вопрос – эти милашки, как ты их называешь, не имеют определенного имени, вернее, имеют, но имена у них могут меняться со временем. Все наши малышки называются «страстишки».

– Какие такие стишки? Я про таких не слышал, чего-то-удивился Саша.

– Непонятно? Попытаюсь объяснить...

– Страстишки, это маленькие страсти, а страсти на вашем языке означают несчастья, беды.

Пока страсти маленькие, они милые, ластятся и играют с тобой, можно сказать, заманивают. А вырастут, и, если им позволить – беда будет.

– Вот у той зверушки, что спит под елкой, сейчас имя – «Покой», а вчера все звали ее – «Обида».

– Не смотри, что она такая милая и спит сладко так и безмятежно. Она может быть быстрой, юркой и жестокой, как львенок или тигренок. Если с ней обращаться строго, не пытаться одомашнить, она живет себе на воле и никого не трогает. Она к тому же пронырливая и может залезть в тело и душу любого человека. Стоит только начать ее удерживать, назвать своей, она начинает вырываться и кричать человеку: «Выпусти меня! Иначе я начну расти и съем тебя!».

– Надо услышать ее и отпускать сразу, пока она маленькая и безобидная, тогда такой она и останется. Но если не отпустишь – берегись! Что бы ты не делал, она будет крутиться в тебе, искать выход и не находить его, такой вот непутевый зверек! А как всем маленьким, ей постоянно хочется есть, и она будет есть тебя! И расти! И человек терпит, «Обида» стала своей. Она внутри него всегда найдет что-нибудь вкусненькое, а потом уже будет жевать все внутренности без разбору. Не зря говорят: «Человека обида гложет».

Смотришь, незаметно так, и захирел человек, то там заболит, то здесь. И становится зверь частью его души и тела. И слабеет человек и хворает, а всего-то надо, взять и отпустить «Обиду», пусть себе бежит на волю. И тогда зверушка снова станет маленькой и звать ее все снова станут – Покой – и в душе и теле у человека будет легко и покойно.

– А вот эта, которая у меня в кармане, кто она, как ее зовут сейчас – спросил Саша.

– Это-та? Ты мог и сам догадаться, вишь, какая пухленькая, похрапывает себе, будто все время здесь и спала. Эту зовут «Ленюшка».

– Она, как раз, домашний зверек, тоже живет в человеке, но человек сам ее туда запускает, а иногда даже рождается уже сразу с этим зверьком. «Ленюшка» дремлет внутри человека тихо-тихо и ведет себя совсем незаметно, растет потихоньку во сне. Ей больше ничего и не надо. Но если не трогать, не вырвать ее из себя, она так, незаметненько совсем, превратится сама и человека превратит в жирное, малоподвижное и глупое существо. Тогда человека звать станут «Лентяй», а зверя, а это уже будет не зверушка-милашка, а именно Зверь – Лень.

Запомни, что этот зверь страшней остальных будет и победить его могут только сильные духом люди. Чтобы стать таковым не обязательно быть богатырем. Сильные, они, как правило, самые тихие и спокойные люди. Тебе в жизни тоже будет ой, как трудно, я знаю это. Но запомни навсегда, если тебе трудно, значит ты идешь в правильном направлении. И не бойся ничего, в том числе и устать. Все устают, даже сильные, но они, в отличие от других, продолжают идти к своей цели молча, «стиснув зубы» и побеждают. Так что, гони лень от себя, да и со всеми остальными страстишками поаккуратнее обращайся!

– Вот, такие у нас здесь с тобой «страстишки-милашки»..

– Ну, про кого тебе еще рассказать? Много их здесь...

Пока малышками прыгают, с детьми человеческими, вот как с тобой сегодня, играют, взрослым людям кажутся безобидными.

Взрослые даже поговорку себе придумали: «Чем бы дитя не тешилось – лишь бы не плакало».

– А зря!

– Страстишки-то чаще всего проникают в маленькие души и растут там, как на дрожжах, и могут вырасти крупнее, чем во взрослых. И уже перед тобой не твой ребенок, а страсть целая!

– Смотришь, ребенок еще под стол пешком ходит, а в нем уже такое поселилось! И исправить уже ничего нельзя.

– Маленький, а уже готов убивать, отбирать у беззащитных последнее, или у родителей «сидеть на шее».

– А кто повинен? Сами же родители. Придумали для себя – лишь бы не плакали! Теперь сами в слезах!

– А, вон та, которая в ветвях, Любушка, она особенная у нас. Ее, если повезет вырасти большой, Любовью звать будут.

Эта страстишка отличается от всех остальных тем, что чем больше она вырастает, тем лучше.

Но для этого должно выполниться одно условие – она обязательно должна встретить себе подобную. Тогда они обе перестают быть страстишками, становятся одним существом, с двумя именами Любовь и Страсть.

От того, что из двух существ они превращаются в одно, никто не страдает, всем только лучше становится. Любовь уже не зверек и не зверь, она сама по себе, для каждого человека предстает в разном облики, никто еще не смог ответить на вопрос, что такое Любовь, почему кто-то ее встречает, а кто-то никогда?

Она сама выбирает людей, для того чтобы поселиться в их душах и принести счастье или горе, а иногда и то и другое одновременно.

– А вообще страстишек этих много, здесь с тобой играли далеко не все, а только детские страстишки.

– Те, кого ты не видел, это для взрослых, ты их, надеюсь, и не встретишь никогда в своей жизни.

Это уже не страстишки, и даже не страсти, а настоящая нечисть.

– Вот послушай, я тебе некоторые только назову: пьянство, скверноприбытничество, ревнование, зависть, памятозлобие, мшелоимство, гнев, празднословие, уныние, властолюбие, да все их сразу и не упомнишь...

– От одних этих названий в дрожь бросает.

– Вырастешь, беги от них без оглядки, или гони их от себя, всех вместе и каждую страсть в отдельности. Не позволяй мелкой страстишке управлять собой. И тогда эти милашки – страстишки будут только украшать твою жизнь.

– Сможешь обуздать страсти, не впадешь в грехи, выживешь – станешь Человеком!

– Ну, ладно, тебе пора возвращаться, завтра у тебя тяжелый день. Все может случиться, может нам и не удастся больше побеседовать. Может быть никогда.

– А жаль, ты мне, Саша, симпатичен.

Вот вырастешь ты большой и забудешь о нашей встрече. А может и вспомнишь когда-нибудь про меня.

Редко, но бывает так у людей, особенно в моменты, когда им очень плохо или очень хорошо, такие дела...

– Если это случится, не стесняйся, попробуй позвать меня, и, если можно будет, я побеседую с тобой, а может быть, даже совет какой дам – волшебник погладил Сашу по голове и обнял.

– А как Вас зовут, как мне позвать Вас? И кто это мы? И почему Вы говорите, побеседую, если можно будет? Вам, что ли, кто-то может запрещать? – вопросы от Саши посыпались, как горошины из сухого стручка.

– Это не важно. Таких как я, люди называют и ангелами-хранителями, и архангелами, и защитниками, и пророками, и святыми, и волшебниками. Люди, на самом деле, не знают, что происходит в других мирах, и придумывают себе сказки разные. Только в малом возрасте, как у тебя, например, возможны встречи с волшебниками, добрыми и злыми, хотя такого зла, как на Земле, худший один из нас никогда не сотворит.

– Ты пока еще невелик годами и, поэтому, я не смогу объяснять подробно, как устроен этот мир, человек должен самостоятельно постигать это с возрастом и пытаться прийти к истине. А путь к Истине и сама Истина – это Бог.

Запомни это навсегда, это и просто, и сложно одновременно.

– Бог – это жизнь в ее истинном смысле, все остальное, его творение. Всякая жизнь ангелов, людей, животных, растений получена от Бога в результате акта творения, поэтому все сотворенные, в отличие от Бога, обладает жизнью не по сущности, а по причастию к Богу.

– Как правильно сказал один из наших – нет такой жизни, которая была бы не от Бога, поскольку Бог есть высшая Жизнь и сам он – Источник жизни.

– От Бога жизнь дается сотворенному, как мне, к примеру, в качестве способности к самостоятельному развитию и совершенствованию, а, в случае человека, в том числе, и тебя – для того, чтобы приблизиться, стать хоть немного похожим на него через его напутствия, любить его и сотворенных им существ, всем сердцем.

– А кто это – Бог? А какой он? Чем занимается сейчас, если все уже сотворил? И какие напутствия он нам давал? И, как это – на все воля божья? И на лето, и на мою болезнь, и на войну, и на конфеты? – опять поскакали вопросы – горошины.

– Жизнь человека состоит из двух этапов: временной, земной и вечной – небесной будто не замечая эти вопросов продолжал волшебник.

– Для того, чтобы достойно пройти земную жизнь, надо совсем немного – помнить о Боге и любить его, следить за тем, чтобы тело и душа были здоровы, и при этом не телесные желания руководили душой, а душа управляла телом.

– Проживешь правильно земную жизнь, будешь счастлив в небесной.

– Ну, все, хватит на первый раз, бывай здоров, завтра день особенный и тяжелый, тебе ведь твоих милашек может быть придется защищать, да и выздороветь тебе надо. Пора тебе начинать говорить и не только со мной, но и со всеми людьми!

– А от кого защищать милашек? Я же, может и не смогу, маленький, говорят, еще – засомневался Саша.

– Сможешь, если будешь помнить, что тебе Сергеич говорил о сильных людях, и о том, как они добиваются своей цели.

– До свидания! Вы говорили еще, что вас люди называют по-разному. Мне понравилось название «Ангел Хранитель». Можно я Вас буду так называть? Ну, пожалуйста, я никогда Вас не забуду, даже когда вырасту большим. Почему все должны забыть о встрече с вами? Не хочу быть, как все! – закапризничал Саша.

– Как тебе удобно будет. Хочешь – называй меня так, мне приятно было это услышать! Обращайся ко мне и дальше так же и до свидания, мальчик мой! Теперь я буду всегда рядом – очень тихо, чтобы мальчик не услышал, произнес теперь уже Сашин Ангел-Хранитель, который с этого момента получил такое же имя.

Ангел знал, что его ждет нелегкая работа, ни один раз придется отпрашиваться у начальства, чтобы помочь своему милому другу. Но он верил и знал, что сил у них двоих хватит на всю предстоящую долгую и не всегда счастливую жизнь.

А когда Сашина земная жизнь завершится, он, если окажется достойным, станет для кого-нибудь наставником и защитником. И жизнь в ее бесконечности продолжится!

– Лети, Сашок, возвращайся в свое детство земное. Твои взрослые и не знают, что детство, это и есть Рай, дарованный каждому родившемуся на этой Земле. Но этот каждый делает все, чтобы отодвинуть или уничтожить этот Рай, который оказывается всегда рядом и имя которому во взрослой жизни – Любовь!

– Все вы уйдете в вечность, но устремленность ваша в этой жизни должна быть одна – прожить достойно, чтобы в земном мире зла охранить хотя бы одну маленькую неразумную душу.

Для этого нужно совсем немного и так много – стать ангелом-хранителем на земле для чьей-то несчастной души.

Попробуйте стать утешителем души мамы, сына, внука, друга, совсем незнакомого, несчастного человека!

Берегите свою и чужие души! И вам воздастся!

Чья – то душа горит падающей звездой, чья – то медленно тлеет головешкой, но каждая из них сама является маленькой Вселенной и стремится к единой точке небесной сферы, куда стремятся все Вселенные, маленькие и гигантские. И все наши души стремится туда же.

Там Истина, там наш общий приют!

Бесконечность и вечность – родные сестры!

Саша очнулся уже на своей кровати в мужской палате... Елка со зверьками куда то исчезли.. Наверное, растворилась в воздухе, как вчера Сергеич с черемуховыми кустами.

– Это не может быть сон, сны я никогда не помню – я летал к Ангелу, но куда все исчезли и как я оказался в палате? Я познакомился с новыми друзьями и должен буду сегодня их защищать.

– Мне надо заговорить, мне надо к милашкам, это же был не сон? – написал он печатными буквами.

Сергеич с серьезным видом, немного подумав, объяснил, что все приключения точно не могут быть просто и только сном.

– Так, как у тебя, часто случается, но только в детстве. Я тоже когда-то летал в гости к своему Ангелу, но взрослым вход в сказки закрыт, потому что они перестали в них верить. У каждого взрослого такие приключения были когда-то давно, но подзабыты.

Несчастные взрослые, то есть бывшие дети, вынужденно занимаются нужными, но скучными делами.

И тут Сашу, как током ударило – сегодня уже сегодня, а не вчера, и день особенный уже идет, впереди куча дел – завтрак, врачебный обход, охота на последнюю пчелу, возвращение голоса.

А еще он обещал волшебнику, что будет защищать своих друзей – «малышек-милашек». Сегодня его новым друзьям может угрожать опасность!

Надо все успеть, и Сережа, решил не завтракать, каша подождет.

За это время он лучше изловит пчелу и изгонит из спины Сергеича ревматическое чудище, а то «силы-то сегодня, ох, как нужны будут!»

Но, вот, все обычные дела сделаны, зверь – ревматизм с позором отступил, обход закончился, доктора ушли к себе пить чай.

Пора делать дела важные и волшебные.

– А Сергеич-то, как специально, сидит и молчит, думу про себя какую-то думает, забыл про голос и волшебника, что ли – с досадой рассуждал Саша. А вдруг зверюшек кто-нибудь обидит, пока мы здесь застряли.

Сергеич же продолжал сосредоточенно размышлять о чем-то. Казалось, что он где-то не здесь – может, вспомнил детство, или как я улетел к своему Ангелу посоветоваться – рассудительно размышлял Саша.

– Мешать ему нельзя – надо подождать, не зря Сергеича все зовут – Мудрый.

Мудрый же наконец поднялся и молча вышел куда-то ненадолго. Вернулся он с большим свертком, обернутым плотной бумагой. Взглядом и незаметным для остальных кивком головы сообщил: – Пора! Вперед! За мной!

И хоть Саша давно уже ждал этого сигнала, от неожиданности сердечко заколотилось, как у выпавшего из гнезда птенчика, ноги стали ватными и не хотели двигаться.

– Это и есть тот самый страх-грех, про который Ангел рассказывал мне вчера.

– Я ничего не боюсь! Страх, я прогоняю тебя! Я буду сильным духом!

– Надо скорее возвращать голос и бежать к «милашкам», мало-ли что...

Но ноги приступили к своему привычному делу все равно только после ободряющего взгляда Сергеича.

Страх отступил, но не очень далеко и не очень надолго.

Они вышли из палаты и порознь, чтобы не привлекать внимания, как бы прогуливаясь, незаметно скрылись в зарослях черемухи. Расположились на скамейке и по-взрослому немного помолчали.

Саша заметил, что Сергеич очень взволнован, он нервно ерзал и вздыхал, даже руки у него немного подрагивали.

Вздохнув глубоко, Сергеич перекрестился и решительно развернул сверток.

Под бумагой оказалась толстая книга в деревянном переплете, в серебряном окладе, ну, прямо, по правде волшебная.

– Ты все помнишь, что нужно сделать, не забыл, что должен после моего или любого другого крика «Говори» попытаться так же громко сказать: «Да, Господи»?

В ответ Саша кивнул, как вчера, три раза.

– Ляг на скамейку, закрой глаза и слушай внимательно.

Пока я не позволю, глаз не открывай, руки вытяни «по швам», пальцы в кулак не сжимай! Услышишь слово «Говори» – громко скажи – да, Господи!

– С Богом, начинаем!

Глава 5. Семья Грузиновых из села Чашниково

Отец Михаил, а «в миру» – Грузинов Михаил Андреевич, был определен по резолюции митрополита Московского и Коломенского Владимира в конце 1897 году на вакансию священника к Троицкой церкви села Чашниково Московского уезда.

Приход батюшка принял от ушедшего за штат по старости протоиерея Иоанна Соколова в августе, сразу после Успения.

Жили скромно, хотя приход был богатым – годовая доходность за последние годы в Храме меньше 400 рублей не опускалась и была самой высокой в 7-м округе Московского уезда и одной из самых высоких в Московской губернии.

При усадьбе села Чашниково 6-го стана Московского уезда Озерецкой волости, которым владел с 1890 года купец Денисов Андрей Тимофеевич, состояло 195 душ.

Село называлось полным названием с добавлением приставки «Нарышкино», поскольку принадлежало оно с XVI и до середины XIX века царским семьям фамилий Романовых и Нарышкиных.

Они же являлись благотворителями и устроителями церкви Троицы Живоначальной.

Еще в 1688 году село и с ним еще несколько сел и деревень, общей численностью 278 дворов, где проживало 1972 человека, были пожалованы из Приказа Большого двора боярину Льву Кирилловичу Нарышкину, дяде Петра I.

В связи с этим, в «отказной книге» появилась новая опись Чашниково, в которой о церкви сказано: «Церковь каменная о пяти верхах во имя Живоначальной Троицы, да предел святого Алексея человека Божия, около настоящей церкви паперть деревянная забрана в косяк, церковь и паперть крыты тесом, главы обиты черепицею; в церковь трои двери, затворы деревянные створчатые... На церкви колокольница каменная, на ней шесть колоколов весом пуд с 19».

Переехала семья Грузиновых с Кавказа, где отец Михаил имел небольшой приход, а затем служил полковым священником.

Там родились и подросли его старшие дети, там же схоронил он свою первую жену – матушку Аксиныю, верную спутницу в нелегкой армейской и духовной работе.

Померла матушка в 1893 году при родах младшего сына – Петра.

Вдовствовал отец Михаил почти пятнадцать лет, никак не мог забыть матушку – любил ее сильно.

Женился во второй раз уже на новом месте на молодой тихой женщине, старшей дочери уездного доктора, Варваре Яковлевне Аксеновой, работающей учителем в приходской школе.

Дети к браку отнеслись спокойно, перечить отцу воспитание не позволяло, да и понимали, что тяжело отцу одному, и так вдовцом столько лет проходил, хлебнул горяшка, их поднимая.

Так и жили – не тужили, в новой школе служили.

Школа эта заслуживает отдельного рассказа.

В конце 1897 после обстоятельного разговора с настоятелями Храма, землевладелец Денисов – владелец села, пожертвовал под строительство церковно-приходской школы значительный земельный участок.

После этого события сам Государь Император высочайше соизволил «на укрепление за Троицкою церковию участка земли, мерою по плану 1 десятина 680 квадратных сажень, состоящего при упомянутом селе и жертвуемого Московским купцом Андреем Денисовым под устройство местной церковно-приходской школы».

Школа строилась на средства Училищного Совета при Святейшем Правительственном Синоде, ассигновавшего для этой цели 16150 рублей.

Ангелом-Хранителем Храма и школы был всегда архимандрит Никон (Рождественский) – казначей Троицкой Лавры, известный издатель «Троицких Листков», попечитель школы, сам когда-то служивший в этом Храме и родившийся в этом селе.

Он взял на себя бремя основных расходов и только из собственных средств на это дело издержал до десяти тысяч рублей.

Кроме того, отец Никон отдельно положил капитал в пятнадцать тысяч рублей в обеспечение общежития при школе, а также на нужды школьной библиотеки и школьного храма.

Торжество открытия второклассной церковно-приходской школы – первой в Московском уезде произошло в 1898 году 30 августа.

На торжество собрались жители всех близлежащих сел, паломники, прихожане и служители 18 церквей Чашниковского благочиния, которое возглавлял ранее больше десяти лет настоятель Храма, отец Иоанн Соколов, передавший бремя настоятельства отцу Михаилу.

День торжества был выбран не случайно.

30 августа – день памяти Императора Александра III – был избран для освящения потому, что школу предположено было посвятить блаженной памяти Царя – Миротворца.

И еще – это был день памяти одного из самых почитаемых святых на Руси – преподобного Александра Невского.

Ко дню открытия прибыл из Лавры отец архимандрит Никон, который перед началом торжественного молебна обратился к предстоящим с такими словами: «Отцы и братия! Сегодня день памяти благоверного князя Александра Невского. Это святое имя напоминает нам двух незабвенных наших царей: Александра II и Александра III.

– Последний, своим державным царским словом, восстановил нашу церковную народную школу.

– Вот почему мы на нашей новой школе, которую сегодня будем освящать, начертали Его имя.

– Помолимся же об упокоении душ обоих Царей Александров. По воле Божией, отсутствуя телесно, душою они сегодня в Чашникове, в этой школе, которая удостоится носить имя незабвенного Царя, на которой почивает уже Божие благословение.

– Горячо приветствую друга юных лет – отца Иоанна Соколова, вложившего душу и сердце в дорогое дело, достопочтенного отца Михаила, который призван продолжить святое дело всех гостей. Приветствую также законоучителя Александра Николаевича Воинова, старшего учителя Димитрия Феодоровича Бажанова, и всех вас, чьими трудами построена школа и содержится в достойном порядке старинный Храм.

– Тех, кто будет радеть дальше за нашу веру и Отечество».

Ах, как же красива была выстроенная школа! Она будто всегда стояла рядом с древнейшим Храмом в окружении старых лип и дубов! Храм духа и Храм знаний стояли рядышком, как мама с любимой деточкой, на крутом возвышенном берегу речушки Альбы, несущей свои чистейшие воды сначала в Клязьму, потом в Оку, а оттуда уже – в великую русскую реку Волгу.

Течение этих рек и есть суть и олицетворение духа русского народа.

Собираясь помалу родничками да ручейками, озерами, и реками малыми, большая полноводная река превращается в мощный поток, который уже никому и никогда не остановить.

Как не остановить дух русского народа, который произрастает душами деревень и церквушек, стоящих на российских берегах!

Пока живы церкви – Россия не умрет.

Храм во имя Троицы Живоначальной села Чашниково

Пока живы ручейки и роднички – морям и океанам не о чем беспокоиться.

Главный южный фасад школы, обращенный к церкви, украсил ризалит – выступающая за основную линию фасада часть здания. Центральную часть здания увенчали высокой палатной кровлей, прорезанной слуховыми окнами в наличниках. Возле школы устроили бревенчатый, крытый железом погреб, деревянное на каменном фундаменте, крытое железом, здание для бани с полным внутренним устройством и бассейном. На дороге, идущей по школьной земле, соорудили каменный мост через овраг и сделали под ним плотину для подъема уровня воды, потребной для бани и школьного сада.

Освятили школу, как полагается, и затем, как водится, отметили это событие за большим столом, накрытым прямо под сенью многолетних деревьев.

Миром решили, что отказов в приеме детей не будет, и обучение было бесплатным.

Дай Бог, чтобы вечно стояли школа и Храм и несли неокрепшим и заблудшим душам светлое, доброе и вечное!

Отец Михаил, после того, как стал настоятелем Храма и заведующим школой, взял ко всему прочему, на себя заботу о церковном саде и за два года превратил его в один из лучших в России.

Уж очень полюбил батюшка после ратных дел на Кавказе садовую работу!

Выписывал специальные журналы, сам ухаживал за деревьями, прививал их, защищал от вредителей, закладывал новые сорта.

На удивление многим, в специальной теплице подрастали разные диковинные растения, выращенные из семян и черенков, которые привозили прихожане и товарищи по садоводству.

Но самым важным занятием батюшки, после духовной работы, было все же врачевание людей.

Такой дар ниспослал ему Господь! Не было такой болячки, вылечить которую батюшка бы не взялся.

Слух об его даре мгновенно распространился далеко за пределы губернии.

К батюшке потянулись сотни страждущих и стремящихся к излечению.

Пришлось даже открыть при Храме странноприемный дом, больницу, нанять работников.

Не справился бы батюшка со всеми заботами, если бы не делил их с благодетелем Храма – архимандритом Никоном, теперь еще и почетным Председателем созданного недавно Приходского Троицкого попечительства о бедных.

Деньги на попечительство давали прихожане и люди, исцеленные от всяких болезней, душевных и телесных.

Губернатор, у которого отец Михаил вылечил от жуткой болезни единственную дочь, своим указом повелел построить при Храме не только больницу, но и новую колокольню, выделив необходимую недостающую сумму из казны.

Сыновья часто наблюдали за тем, как отец исцеляет.

Это им, в отличие от остальных, не только не возбранялось, но и даже входило в круг обязанностей.

Лечение происходило всегда в отдельном доме, посещать который можно было только с разрешения батюшки.

Смотреть за происходящим во время лечения было ребятам иногда интересно, но чаще скучновато.

Интересно было видеть, как человек больной, часто не способный даже сидеть, после одного сеанса вдруг поднимался и уходил на своих ногах.

Скучно, потому, что никакого явного волшебства в процессе излечения не происходило.

Все было похоже на обычную службу в Храме, только молитвы отличались от обычных, церковных.

Отец почему-то называл их «стихи», хотя это были совсем не стихи, рифм в них не было.

Каждый «стих» читался при определенной болезни. При болезни ног – про церковь Святой Богородицы на острове Буяне, при болезнях глаз – про собак: «...шел раб божий через мост, а навстречу ему бурый пес...»

«Стихи», запоминались на слух сразу и навсегда, как «Отче наш» или «Верую...» и никогда не забывались, хоть слышать их удавалось не так часто, как ежедневные вечерние или утренние молитвы в Храме.

Батюшка в процессе врачевания вместе с молитвой использовал разные предметы. Это были, например, топор, куриные яйца, метла, нож.

Но один предмет всегда был с отцом в процессе врачевания – большая старинная книга в деревянном переплете и серебряном окладе.

Места хранения книги не было известно никому. Прикасаться, и, даже говорить об этом священном предмете, было категорически запрещено.

Книгу не видели и больные, поскольку во время чтения «стихов» и других лечебных действий должны были лежать на топчане с закрытыми глазами. Открывать глаза, ворочаться, менять положение рук и ног возбранялось категорически.

Больные открывали глаза и вставали только после разрешения батюшки, когда книга была определена к своему месту. Провинившихся батюшка иногда даже выгонял за дверь, поскольку процедуру лечения надо было повторять заново, а времени свободного не было совсем – за дверью ждали своей очереди десятки больных.

Лечил батюшка бесплатно.

Еда и разнообразная утварь, которые больные оставляли в награду за излечение, раздавались нуждающимся прихожанам.

После окончаний лечебного времени книга складывалась в обитый железом дубовый сундук и помещалась в секретное место.

И как это батюшка все успевал?

Церковные дела, школа, врачевание, сад, попечительство о бедных, воспитание детей, литераторство – это далеко не полный перечень дел и забот отца Михаила.

Воспитанию детей, своих и чужих, батюшка посвящал много времени, можно сказать, воспитывал их постоянно.

Учил грамоте, прививал любовь к ближнему, умению защищать себя и слабых.

Всего батюшка воспитывал четверых – две девчонки давно выросли, вышли замуж, жили своими семьями и к батюшке приезжали только по особым торжествам.

Старший сын Андрей выбрал по примеру отца нелегкую долю полкового священника, младший сын Петр готовил себя к офицерской службе.

Закончился 1903 год и унес с собой безмятежность и радости повседневной жизни.

Глава 6. 1904 год – война!

Встречали 1904 весело и беззаботно. Даже сообщение о начале войны с японцами встретили спокойно. Огромная удаленность от театра военных действий сглаживала само понятие страшного слова «война».

Это все равно, если бы объявили войну жителям луны, и воевать пришлось бы там.

– Какие еще японцы? Эти желтые маленькие узкоглазые человечки представлялись в образе рассерженных гномиков, привести которых к порядку всегда можно легким неболезненным шлепком по худой попе. А то и просто грозным окриком.

Образ желтолицых создавался прессой и «русской общественностью» несколько лет.

Газеты шумели о «безумной аванюре» из-за попыток правительства усилить военную мощь на востоке страны – швыряют, дескать, миллионы, чтобы великим князьям можно было наживаться на лесных концессиях!

Давление на правительство Витте было таким мощным и всесторонним, что средства на постройку крепости Порт-Артур, судов флота и содержание эскадры были урезаны очень даже значительно.

Дошло до того, что для судов был введен режим «вооруженного резерва».

А вместе с тем, в соседи по Маньчжурии, вместо слабого Китая к нам не набивался, а лез напролом сильный и беспощадный враг.

Первая его задача – захват всей Маньчжурии и укрепление на правом берегу Амура!

Пытаться защищать после этого столь продолжительную границу строительством новых крепостей и формированием воинских корпусов стало бы предприятием безумным.

Ни людских, ни материальных ресурсов для этого в России не сыскать было днем с огнем!

Да еще Владивосток с Приморской областью «подвисают»!

Нельзя было пускать японцев в Маньчжурию!

Ни при каких обстоятельствах!

И Россия, как всегда, когда трудно, нашла выход – получила дипломатическую поддержку у Германии и Франции и в нужный момент предъявила «гномам» ультиматум.

Те, поскрипев зубами, убрались из Маньчжурии, но злобу затаили нешуточную и приступили к усилению своего флота.

А мы им в ответ в 1898 году, легко получив согласие Китая, силой заняли Квантунский полуостров.

Все, дело было сделано! Теперь путь к Владивостоку лежал только через Порт-Артур.

Оставалось немного – по мере усиления Японией военного потенциала – просто наращивать свой, а это же такая мелочь по сравнению с расходами по охране громадных границ!

Все было бы славненько, но тут опять вылезла «русская общественность» и заверещала: «Чего мы лезем незнамо куда? Пусть эти узкоглазые сами меж собой разберутся».

– Не бряцайте оружием!

– Русская общественность против войны!

– Война не встретит сочувствия в широких кругах населения!

И что после этого можно говорить о настроении артурской эскадры и гарнизона крепости?

Воины понимали, что за их спиной нет поддержки страны и их тяжелый труд никому не нужен, и даже презираем.

Шаги, которые предпринимались в Петербурге, делались скорее с целью «не дразнить гусей», чем с целью укрепиться, или хотя бы не отстать от неприятеля по силе флота и армии.

Эх, россияне, что же мы за люди такие?

Героев своих не ценим, завоеванное кровью и потом своих предков сберегать нам лень, все денег жалко – ждем, пока нас «в угол не загонят», да «не оберут до нитки».

Уж тогда мы соберем «с миру» и отдадим на войну все свои сбережения, будем радостно голодать, и ждать кровавой победы, которая, все одно, не вернет нам былого, но заберет жизни близких людей и кровно нажитые гроши.

Создадим себе трудности, героически их преодолеем, но, зато проявим при этом дьявольскую изворотливость! – это наш, и именно наш лозунг!

Не послушай мы тогда этих толстобрюхих «умников» – удержали бы Порт—Артур и Сибирская магистраль уперлась бы своим восточным концом не в воды враждебного Японского моря, а пришла бы к берегам своего – теплого незамерзающего Желтого моря, имеющего прямой выход в океан!

Мы никогда не слышим предупреждающих голосов своих соотечественников – патриотов Родины, которые, рискуя своей жизнью, пытаются достучаться до наших мозгов и предупредить о грозящей опасности.

Вот и сейчас, военно-морской агент в Токио, капитан 2 ранга Русин, во многих своих наиподробнееших донесениях, своевременно дал полную картину развертывания вражеских сил, точно указав дату начала вторжения – конец января.

А ему в ответ – не может быть, не верим, не бряцайте оружием – не раздражайте японцев, не будет войны!

Зима в конце января 1904 года выдалась солнечной, сухой и бесснежной.

За пять лет российского владения город Порт-Артур обрусел, в глухих стенах китайских одноэтажных домишек появились резные оконца да крылечки русские.

С вершины самой высокой горы под названием «Перепелиная» – гордо стремилась ввысь русская пожарная каланча, между Старым и Новым городом строился большой каменный православный собор.

Город хорошел, жил полной шумной жизнью, открывались магазины, расширялись улицы – жизнь обрусевшего городка кипела.

Но, незаметно так, пестреющие вывески магазинов и ресторанов стали вдруг исчезать, их владельцы – японцы устраивали спешную распродажу товаров, закрывались и уезжали.

Утром 8 февраля 1904 года в город прибыл из Чифу японский консул и вывез на пароходе последних подданных Страны Восходящего Солнца.

А в обед пришло известие о том, что японцы отозвали своего посланника из Петербурга.

– Война? Надо срочно объявлять 4-х часовую готовность к выходу в море! – волновались офицеры.

– Не время! Дипломатическая часть штаба разъясняет, что разрыв сношений не есть объявление войны – отвечало начальство.

– Не бряцайте оружием!

А в полночь уже лежал на боку смертельно пораженный «Цесаревич» – лучший наш корабль, зарывалась носом в воду тонущая громадина броненосца «Ретвизана» и тихо уходил на дно крейсер «Паллада», подорванный японской миной.

И уже не смогли исправить ситуацию подвиги погибшего вместе с флагманским броненосцем «Петропавловск» вице-адмирала Макарова, мужество защитников Порт-Артура, погибших вместе со своим командиром – генералом Кондратенко, всей 158-тысячной армии генерала Куропаткина, русских корпусов в героических сражениях под Мукденом и Сандепу.

И еще, бессмертные незаметные подвиги отдавших самое дорогое – свои жизни 31630 солдат и матросов, 5514 – умерших от ран, 11170 – скончавшихся от болезней, 1643 – умерших в плену.

И 60 000 плененных с поломанными навсегда судьбами.

Упокоились в морских глубинах заступившие на вечную вахту экипажи погибших русских кораблей «Новик», «Полтава», «Пересвет», «Победа», «Боян», «Суворов», «Осляба», «Александр III», «Бородино», «Варяг».

А мы не только не помогли своим героям, а наоборот, усилили их боль, затеяв в поддержку врага, революцию «во счастье народа».

– «Спасибо» тебе, наша «русская общественность», счастливо отсидевшаяся в тылу, рассуждающая за сытным столом о бездарности Русской армии.

Русской армии, которую топтали, топчут и будут топтать всегда и все – кому не лень, но, прежде всего, свои «благодарные» сограждане.

Чтобы было бы со всеми нами, с нашей страной, если бы мы были все похожи на эту мразь?

Вот они, ваши «достижения», предатели своей Родины – по Портсмутскому миру, заключенному 5 сентября 1905 года Россия уступила аренду Ляодунского полуострова вместе с веткой Юго-Маньчжурской железной дороги, потеряла южная часть Сахалина, Маньчжурию. Утрачены позиции в Корее, Китае, да, и на всем Дальнем Востоке.

Япония сделалась великой державой.

А проигравшая войну Россия ввязалась в первую свою кровавую революцию.

Промышленный спад, расстройство денежного обращения, неурожай, голод и огромный государственный долг, начавший свой стремительный рост со времен русско-турецкой войны, требовали решительного и кардинального реформирования деятельности власти.

Большинство населения страны – крестьяне, заметно нищали. Быстрый рост численности крестьян привел к тому, что величина среднего надела сократилась почти в два раза, а средняя урожайность только немного выросла.

Как результат – постоянное падение среднего сбора хлеба на душу земледельческого населения и, как следствие, ухудшение экономического положения крестьянства в целом.

В это же время в Европе произошли большие экономические перемены, вызванные появлением там дешёвого американского зерна.

Это поставило Россию, где зерно являлось основным экспортным товаром, в очень трудное положение. Американцы, которые финансировали армию Японии, решили добить Россию экономическими методами.

Курс на активное стимулирование экспорта хлеба, взятый с конца 1880-х годов российским правительством, явился ещё одним фактором, ухудшившим продовольственное положение крестьянства.

Лозунг «не доедим, но вывезем», выдвинутый министром финансов Вышнеградским, отражал стремление правительства поддерживать экспорт хлеба любой ценой, даже в условиях внутреннего неурожая.

Это привело к голоду.

Кризис сельского хозяйства перерос в затяжной и глубокий недуг всей экономики Центральной России.

Крестьяне работали все хуже – не было интереса...

Витте тогда вспоминал: «Как может человек проявить и развить не только свой труд, но инициативу в своем труде, когда он знает, что обрабатываемая им земля через некоторое время может быть заменена (общиной) другой, что плоды его трудов будут делиться не на основании общих законов и завещательных прав, а по обычаю.

Когда он может быть ответственен за налоги, не внесенные другими (круговая порука) ... когда он не может ни передвигаться, ни оставлять свое, часто беднее птичьего гнезда, жилище без паспорта, выдача коего зависит от усмотрения, когда одним словом, его быт в некоторой степени похож на быт домашнего животного с тою разницею, что в жизни домашнего животного заинтересован владелец, ибо это его имущество, а Российское государство этого иму-

щества имеет при данной стадии развития государственности в излишке, а то, что имеется в излишке, или мало, или совсем не ценится».

Постоянное снижение размеров земельных наделов – «малоземелье» – привели к тому, что крестьяне стали требовать земли за счёт перераспределения помещичьих наделов.

Земли же не помещичьи принадлежали общинам, которые решали вопросы бытия каждого крестьянина.

Волостные суды решали дела не по общегосударственным законам, а по крестьянскому «обычному праву», которое отличалось неполнотой и неясностью.

Невежественные и малограмотные судьи с трудом разбирались в делах, и главную роль в волостном суде играл его делопроизводитель, волостной писарь. За взятку, конечно.

Даже в получении паспорта эти лица бывших податных состояний – мещане, ремесленники и крестьяне, были поставлены в зависимость от мещанских и крестьянских обществ.

При наличии недоимок паспортные книжки выдавались им не иначе, как с согласия обществ.

А неотделенным членам крестьянских семейств для получения и возобновления вида надо было еще заручаться согласием хозяина крестьянского двора.

Полное политическое бесправие, полицейский произвол, кризис, позорное поражение в войне, «малоземелье» бросили в пучину революции не только рабочих и крестьян, но и большую часть мелкой и средней буржуазии, интеллигенцию, служащих.

По целям и составу участников первая русская революция была воистину общенародной. Это в народе. А как воспринял первую русскую революцию Государь?

Вот выдержки из его дневника, написанного в дни революции 1905 года:

«8-го января. Суббота. Ясный морозный день. Было много дела и докладов. Завтракал Фредерикс. Долго гулял. Со вчерашнего дня в Петербурге забастовали все заводы и фабрики. Из окрестностей вызваны войска для усиления гарнизона. Рабочие до сих пор вели себя спокойно. Количество их определяется в 120.000 ч. Во главе рабочего союза какой-то священник – социалист Гапон. Мирский приезжал вечером для доклада о принятых мерах».

«9-го января. Воскресенье. «Тяжелый день! В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело! Мама приехала к нам из города прямо к обедне. Завтракали со всеми. Гулял с Мишей. Мама осталась у нас на ночь».

«10-го января. Понедельник. Сегодня особых происшествий в городе не было. Были доклады. Завтракал дядя Алексей. Принял депутацию уральских казаков, приехавших с икрою. Гулял. Пили чай у Мама. Для объединения действий по прекращению беспорядков в Петербурге решил назначить ген.-м. Трепова генерал-губернатором столицы и губернии. Вечером у меня состоялось совещание по этому поводу с ним, Мирским и Гессе.

Обедал Дабич (деж.)».

Вот так...! Особых происшествий не было...

Просто революцию проспали вместе с Мама...

Глава 7. Ванюша

В семье Грузиновых все протекало, покамест, не то, чтобы по – доброму, но, как-то, без бед.

Старший сын Андрей волею судьбы стал полковым священником, а который помладше – Петр – офицером, оба служили в действующей армии, оба воевали сейчас.

С Андреем было все в порядке, а вот от Петра вестей не было уже несколько месяцев, пропал в разведке – писал Андрей.

Уповали на Господа и молились за здоровье, надеялись на лучшее.

Андрей имел церковный сан и чин протоиерея. Службой своей был доволен, писал часто, подробно описывал все происходящее в его полку.

Служил Андрей всегда, начиная с русско-японской войны, под началом легендарного генерала – Николая Николаевича Юденича.

Сначала – офицером, но после одной страшной карательной операции в Китайском походе, он зарекся служить никому, кроме Бога.

Тот поход оказался кровопролитным с обеих сторон. Китайцы вырезали иностранцев и своих соотечественников, принявших православие, русские и их союзники не жалели никого. Торчащие на кольях головы над обезображенными телами, растерзанные женщины и младенцы с оторванными ядрами руками...

Андрей с тех пор не брал огнестрельного оружия в руки и зарекся боле не воевать и не стрелять. Никогда, если только не будет угрозы жизни его близким.

Получив благословление, он продолжил службу под началом своего командира, но уже в должности полкового батюшки.

Андрей в своих письмах так часто рассказывал о своем командире, его привычках, человеческих качествах, боевых подвигах, что в семье Грузиновых все почитали того за очень близкого человека, почти родственника.

Только за то, что Николай Николаевич Юденич сразу после начала русско-японской войны отказался занять пост дежурного генерала в Штабе Туркестанского военного округа, что означало для него в случае согласия скорое производство в генеральский чин и спокойную тыловую службу, а выступил на фронт во главе своего полка, уже говорило о многом.

Андрей успел вместе со своим командиром, тогда еще полковником, отвоевать на Дальнем Востоке в составе 2-й Маньчжурской армии с ноября 1904 по май 1906 года, а сейчас они оба героизмовали на Кавказе.

В мае 1909 года радость заглянула, таки, в домик Грузиновых – родился Ванюша...

За хлопотами и не заметили, как он, незаметно так, подрос, окреп и стал незаменимым помощником батюшки.

Мальчик получился хоть куда – крепкий, умненький, да благоразумненький! Не по возрасту, мудрый и работающий.

Читать-писать выучился легко. Все книжки, которые читать ему разрешалось, перечитал не однажды.

За житейскими хлопотами незаметно пролетело время, и грянула новая война, теперь уже отечественная, мировая.

И теперь уже совсем рядом.

Книжки отошли на второй план – теперь Ванюша зачитывался письмами братьев с мест их службы, коих накопилось за все годы великое множество.

От Петра, правда, писем не было давненько, а вот Андрей писал часто, видно тосковал там – на фронтах.

Эти письма с разных войн и фронтов были прочитаны-перечитаны Ванюшей десятки раз.

Каждый раз он открывал в письмах что-то новое, часто непонятное для себя.

Ему не довелось в сознательном возрасте видеть старших братьев. Пока он рос, братья служили, когда приезжали на побывку, Ваня был совсем маленьким и не помнил ничего.

И Петр, и Андрей представлялись в его сознании чудо – богатырями.

Андрей – Ильей Муромцем, Петр – Добрыней, а на месте Алеши-Поповича Ванюша, конечно же, видел себя.

– А чем я – не он? И помладше их, и попович – сын священника, и стрелять умею, а как доблестно воевать, старшие братья научат.

– Главное, чтобы война не кончилась, пока я подрасту. Хватило бы на мой век подвигов ратных!

А пока что Ваня мысленно путешествовал по местам, описанным братьями – посланиями из совсем другой жизни, больше похожей на книжные приключения, но без счастливого конца, обязательного бессмертия положительных персонажей и бодрого состояния духа у героев войны.

Главным героем повествования старшего брата – Андрея был его командир.

Какой героический человек был этот Юденич!

Везде, где воевал, проявлял завидную храбрость.

Ваня читал письма и будто наяву видел, как заменив раненного командира 5-й бригады генерала Чурина, полковник Юденич берет на себя командование бригадой и ведет её в свой первый бой, уже вошедший в историю войн, как сражение под Сандепу.

Как тогда еще, полковник Юденич, прибыв ночью в расположение 20-го полка, вызвал охотников для контратаки. А когда таковых не оказалось, спокойно сказал: «Я сам буду командовать охотниками» – вынул револьвер и двинулся вперед, увлекая нас за собой.

Как 20 января 1905 года, при атаке на оборонительный участок японских войск на излучине реки Хунь-Хе, полковник Юденич возглавил атаку по открытому полю, невзирая на артиллерийский, пулемётный и ружейный огонь противника и взял деревню с ходу.

А когда, 4 февраля 1905 года под Мукденом наступающие японские войска начали заходить во фланг обороны 18-го полка, Юденич решает атаковать неприятеля в штыки. В схватке он бьется наравне с солдатами в штыковой, и не смотря на ранение в левую руку, обращает в бегство японцев!

Со слезами на глазах Ванюша читал о почти смертельном ранении Юденича: «В боях под Мукденом с 17 по 23 февраля 1905 года при упорной обороне редута №8 при деревне Янсынтунь, полковник Юденич был ранен ружейной пулей в правую половину шеи.

У Николая Николаевича были две сестры Александра (по мужу Лаврентьева) и Клавдия (по мужу Паевская). Обе они очень любили своего брата, в особенности Клавдия. Во время Маньчжурских боев, когда он был ранен в шею, у Клавдии, сидящей у себя дома, было видение: «Поле сражения, масса раненных, среди которых и Николай Николаевич, а над ним Пресвятая Богородица, покрывающая его Своим Омофором».

И было чудо – пуля прошла около сонной артерии, не задев её. Он был замертво доставлен на перевязочный пункт, а затем в госпиталь в Мукден, но выжил».

А сколько раз Юденича награждали! Высочайше! Золотым Оружием «За храбрость», орденом Святого Владимира 3-й степени с мечами, орденом Святого Станислава 1-й степени с мечами.

За отличие в боях он всемилоостивейше произведён 19 июня 1905 года в генерал-майоры с назначением командиром 2-й стрелковой бригады 5-й стрелковой дивизии с почётным вечным зачислением в списки 18-го полка. Весь полк был отмечен Георгиевским Знаменем, а чины полка, в том числе и Андрей, удостоены особого памятного знака отличия с надписью «За Янсынтунь с 19 по 23 Февраля 1905 года» для ношения на головных уборах. В январе 1906 года Юденич был пожалован светло-бронзовой медалью на Александровско – Георги-

евской ленте с бантом «В память русско-японской войны 1904—1905 гг.». В 1909 году был высочайше пожалован орденом Святой Анны 1-й степени, а 6 декабря 1912 года производится в генерал-лейтенанты. 24 апреля 1913 года награждается орденом Святого Владимира 2-й степени.

За житейскими хлопотами и не заметили, как снова подкралась проклятая война. На Руси всегда так – пришла беда – открывай ворота!

И вот уже в письмах Андрея снова восторг от работы с Юденичем.

– Генерал Юденич хорошо разбирается в людях и окружает себя молодыми талантливыми и храбрыми офицерами – писал Андрей.

– Идея каждой операции зарождается в его разговорах с начальниками отделений. Каждый из нас пользуется правом совершенно откровенно высказать своё мнение и может вступать в спор с Юденичем, отстаивая свою точку зрения – делился своими мыслями Андрей.

Пользуясь ослаблением, связанным с отправкой на германский фронт двух Кавказских корпусов из трех в декабре 1914 года, когда для защиты Кавказа остался всего один регулярный корпус, турецкий флот внезапно нападает на наши черноморские берега. Верный ученик германского генерального штаба Энвер-паша с необычайной быстротой и энергией наступает на ослабленные русские силы в районе Саракамыша.

С двумя третями своей армии он обходит русские главные силы с фланга и тыла, что ставит Кавказскую Армию в критическое положение, близкое к катастрофе.

Заменив отбывшего в тыловой Тифлис слабовольного генерала Мышлаевского, в то время состоящего помощником командующего Кавказской Армией, Николай Николаевич взял всю ответственность на себя, приказал всем частям Армии отстаивать свои позиции, вместо отступления.

Во главе вверенного ему 2-го Туркестанского корпуса он начинает сопротивление на подступах к Саракамышу наступающим превосходящим по численности турецким войскам.

Днём и ночью турки, пользуясь своим численным превосходством, вели на фронте ожесточённые атаки. Обстановка для нас почти не имела шансов на успех.

Но Генерал сумел направить действия Саракамышской группы войск, окружённой противником, таким образом, что наши войска не только вышли из критического положения, но и одержали блестящую победу.

Благодаря несокрушимой воле и выдающемуся воинскому таланту генерала Юденича русские войска тогда полностью изменили обстановку и в течение месяца нанесли сокрушительный разгром Турецкой армии под командованием Энвер-Паши, превосходившей наши войска вдвое. По данным неприятельского генерального штаба их армия потеряла тогда 100 тысяч солдат.

Причём 9-й турецкий корпус был взят в плен вместе с командиром Исхан-пашой, начальниками 17-й, 28-й и 29-й дивизий.

13 января 1915 года Николай Николаевич Юденич «за твёрдую решимость, личное мужество, хладнокровие и искусство вождения войск» был награжден первым на Кавказе орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени, произведен в чин генерала от инфантерии и назначен Командующим Отдельной Кавказской Армией.

В июле 1915 года в ходе блестяще спланированной Евфратской операции войска под командованием генерала Юденича разбивают наголову 3-ю турецкую армию Абдул Керим Паши, подошедшую к нашей границе. За Евфратскую операцию Николай Николаевич был награжден орденом Святого Георгия 3-й степени и орденом Белого Орла с мечами.

Все эти многочисленные награды не вскружили голову генералу.

В своих привычках он остается чрезвычайно скромным и воздержанным.

Не курит, не пьет. Столуется вместе с чинами своего полевого штаба и, несмотря на свою сосредоточенность, любит за столом шутки и смех.

– Вот случай был, очень характерный для Юденича. За Евфратскую операцию 1915 года он был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени.

По Кавказским традициям командир 1-го Кавказского корпуса генерал Калитин, как старший Георгиевский Кавалер, прибыл с депутацией в штаб армии, чтобы поздравить Командующего Армией и поднести ему крест.

Николай Николаевич был явно тронут.

Кратко поблагодарил. Сел. Помолчал. Затем подошел к ординарцу и сказал вполголоса: «Передайте, пожалуйста, заведующему столом, что у нас будут завтракать генерал Калитин с депутацией. Пусть заведующий подаст к столу что-нибудь лишнее. Ну, там сельтерской воды, что ли...»

– Так сельтерской водой мы и поздравили нового Георгиевского Кавалера!

Он часто объезжает войска. Говорит мало, но видит и угадывает всё. С солдатами говорит просто, без ложного пафоса и только о повседневных нуждах

– Что сегодня ел? Есть ли тёплые портянки? Получал ли горячую пищу? – вопросы повседневные, но как раз такие, какие доходят до солдатского сердца.

– Поэтому под его командой измученные боями войска творят чудеса, возвышаясь в своих подвигах до высоты подлинного самоотречения.

В другом письме Андрей рассказывал об Азапкейском сражении, прошедшем в разгар суровой зимы 1915 года.

– Бились долго и ожесточенно, но только на восьмой день погнали неприятеля, преследуя его 100 вёрст, до Эрзерума. Крепость была расположена на высотах до 11 тысяч футов, с тремя линиями фортов, высеченных в граните. Всегда считалась военными авторитетами неприступной.

Тем не менее, Николай Николаевич настаивает на немедленном штурме.

Сам Великий Князь отказывал в штурме, но наш Генерал упорствовал и, тогда, Великий Князь дал своё согласие, но с оговоркой, что в случае неудачи штурма Эрзерума вся ответственность падёт на него.

При этом ходатайство генерала Юденича об отпуске в спешном порядке патронов и снарядов из тыловых запасов отклонил категорически.

И что же? Генерал Юденич принимает волевое решение и за пять дней штурма захватывает Эрзерум!

– Это был воистину Суворовский штурм. Днём и ночью в двадцатиградусный мороз, засыпаемые вьюгой и сметаемые турецким огнём, карабкались мы по обледеневшим кручам. Наш полк поднимался по узкой тропе. Затем тропа исчезла. Приходилось карабкаться уже по скалистым горам. Поднявшаяся вьюга лишила всякой возможности ориентироваться. Люди выбивались из сил, пробивая кирками лёд и камень для прохода вьюков. К 2 часам ночи полк вышел на плато. Вьюга усилилась, и стало нетерпимо....

– Полковник Пирумов с шестью ротами Бакинского полка овладел фортом Далангез. Отбил восемь атак неприятеля. Из 1400 бойцов осталось около 300 человек, и то, большей частью – раненные.

– Но через пять дней мы взяли неприступную крепость Эрзерум! Знай наших!

Позже Грузиновы узнают о том, что их сын – полковой священник Андрей, узнав о больших потерях в командном составе полка, вышел впереди цепи солдат с крестом и повёл за собой полк в неудержимую атаку. Высота была взята, а Андрей получил тяжелое ранение, еле выжил, и был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени.

Через три дня после взятия крепости на имя Командующего Кавказской Армией была получена Высочайшая телеграмма: «В воздаяние высокого мужества и искусного руководства, проявленных Вами при взятии крепости Эрзерум, награждаю Вас орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия II класса. Николай».

Три степени офицерского Георгия, которыми был награждён генерал Юденич, почти единичное явление для всей истории статута ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия с 1769 по 1917 годы.

К примеру, орденом Святого Георгия 2-й степени были награждены в Первую Мировую войну всего четыре русских и два французских генерала, а за весь период статута ордена 2-й степенью был пожалован всего 121 человек.

Андрей писал в своем письме сразу после битвы: «Его прямой, совершенно честной и на редкость цельной натуре были чужды и помпа, и представительство, а тем более поза или реклама. Даже после Эрзерума, осенённый славой и награжденный Георгиевской Звездой, он не мог пересилить себя и поехать в Ставку, чтобы представиться Государю и поблагодарить за высокую боевую награду, хотя не мог не догадываться, что в случае поездки в Ставку, его ожидали генерал-адъютантские вензеля. Он просто преданно служит своему Императору, не ища наград и поощрений».

– А через неделю к нам прибыл сам Великий Князь Николай Николаевич. Он подошёл к выстроенным войскам, снял обеими руками папаху и поклонился до земли. Затем обнял и расцеловал генерала Юденича —восторгался Андрей.

Потом были победы над турецкой крепостью Трапезун, уничтожение 3-ей Турецкой армии, а за ней пришла очередь прибывшей с Галлиполи 2-ой Турецкой армии.

– По моему, и не только моему разумению, личность генерала, как полководца по праву может быть приближена к таким мастерам войны и боя, как Суворов и Наполеон. Он дорог нам как величественное отражение русского духа, как полководец, возродивший во всем блеске Суворовские заветы, а значит и наше национальное военное искусство.

– С верою в Бога и с преданностью своему Императору, всегда скромный, всегда благородный генерал Юденич преданно служит величию Российской Державы – так закончил свое повествования о Генерале Андрей.

Не отставал в геройстве старшему брату и Петр.

Петр Михайлович имел чин подпоручика и орден Святого Георгия IV степени за спасение командира. До того, как пропал без вести, числился в 6-м Финляндском стрелковом полку и воевал на Салоникском фронте, в составе особой пехотной бригады, которую в срочном порядке отправило туда русское правительство по просьбе союзников.

Вот только писем от него не было, хотя бы малую весточку какую получить!

Глава 8. Пластуны

Ясно, что при таких братьях-героях не мечтать о подвигах Ванюше было, ну никак нельзя!

Он был самым младшеньким, а значит любимым, «поскребышем» называли.

Отец Михаил видел в нем своего приемника, с «малика» готовил к духовной жизни. Воспитывал Ваню, как и старших сыновей, с детства строго, по-военному.

Сам в прошлом, будучи полковым священником в действующей армии, воевал с турками на Кавказе в 1877—1878 годах. Дети знали из его рассказов о победах у Аладжи-Дага, подавлении мятежа в Абхазии, взятии Сухума, Ардагана.

Про оборону Баязетской цитадели, названной Баязетским сидением, где русскому гарнизону численностью в 1600 человек противостояло 25-тысячное войско Фаик-паши, знали в подробностях о каждом дне обороны.

Но главными героями батюшкиных рассказов были простые русские казаки. Ему самому пришлось учиться ратному делу у этих казачков, называемых «пластунами».

Пластуны – выходцы из Запорожской Сечи. Там, в низовьях Днепра, они оттачивали свое мастерство и закаляли характер.

Название «пластун» выводят из украинского слова «пластувати», что значит ползать.

Пластунские отряды вначале входили в состав Черноморского казачьего войска, а вслед за этим стали частью Кубанского казачества.

Именно на Северном Кавказе сформировался легендарный тип пластунов, которых боялись черкесы, татары и турки.

Даже в те времена, когда пластуны не считались казачьей элитой, попасть в их ряды мог далеко не каждый.

Чаще специальность пластуна передавалась по наследству, или же ими становились казаки с малых лет прислуживающие опытным бойцам.

Будущий пластун должен был обладать не только физической силой и крепким здоровьем, но и определенными чертами характера – выдержанностью и хладнокровием, быть неприхотливым в быту, выносливым в походе и терпеливым в бою.

Не каждый ведь сможет часами напролет сидеть в студеной воде или под палящим солнцем.

Горячий нрав и яркая внешность – гибель для пластуна.

Это были спокойные и малоприметные люди.

Они и следопыты, и разведчики, диверсанты и стрелки. Хорошо знали артиллерийское и саперное дело, могли искусно лазить по горам и плавать в бурных реках, владели навыками ведения рукопашного боя.

Долгий процесс обучения военному ремеслу был залогом выживания пластуна в условиях постоянных набегов горцев и суровой Кавказской природы.

В пластунском лексиконе даже появились новые термины: «выстрел на хруст» – способность поражать любую цель при плохой видимости или ее отсутствии, «волчья пасть» – умение провести молниеносную разящую атаку или «лисий хвост» – искусство заматать свои следы при возвращении с задания.

Боевые традиции и тактика пластунов складывались веками. В походе они находились в передовом разведывательном дозоре, на привале – в засаде в боевом охранении. В полевом укреплении – в постоянном поиске по окрестным лесам и ущельям. При этом пластуны ночью небольшими группами от 3 до 10 человек проникали глубоко в расположение неприятеля, наблюдали за ним, подслушивали разговоры.

В интересах скрытности разрешалось носить даже крашеную бороду. Многие знали местные наречия, нравы и обычаи. В некоторых аулах у пластунов были приятели – кунаки, сообщавшие им замыслы противника. Одежда, которую носили казаки-пластуны, была легкой, удобной и не броской. Потрепанная черкеска, обветшала папах с башлыком, кожаные чуваки делали их похожими на местных обитателей предгорий Кавказа.

На поясе у пластуна – длинный кинжал, пороховница и мешочек для пуль, а в руках – дальнобойный штуцер. Ну и конечно нагайка, подруга и в бою, и в мирной жизни.

В знойное лето и в суровую зиму пластуны совершали рейды по неприятельской земле, патрулировали по обоим берегам Кубани, открывали неизвестные тропинки в болотах и броды в пограничной реке, обозначали их только им одним известными метками, читали следы, обнаруживали подготовку к набегу.

Выждав момент, пластуны наносили удары по небольшим отрядам горцев, уничтожали их вожakov, угоняли табуны лошадей.

Небольшие группы пластунов, «товарищества» или «батареи» имели небольшую сигнальную пушку, из которой производился тревожный выстрел при обнаружении неприятеля. Оружие они имели более современное, чем прочие казаки, первыми получали дальнобойные штуцера с примкнутыми штыками. С учетом трудностей и полной опасностей службы пластунам было назначено и повышенное по сравнению с другими казаками жалование.

Привлекались пластуны и для разблокирования осажденных неприятелем казачьих укреплений.

Так было, к примеру, когда горцы численностью около трех тысяч человек предприняли попытку захвата Крымского укрепления, расположенного за кордонной линией на реке Кубани. На помощь гарнизону атаман Бабич направил 40 пластунов.

Командир отряда – казак Крыжановский, решил оттянуть на себя возможно большее количество атакующих. Он рассредоточил и укрыл пластунов на берегу реки за стволами деревьев, принесенных во время весеннего половодья. Меткий огонь стрелков наносил неприятелю ощутимые потери. Попытки горцев в конном и пешем строю смять горстку храбрецов успеха не принесли. После двухчасового боя пластуны во взаимодействии с гарнизоном укрепления вынудили противника отступить на свою территорию.

При боевом столкновении в ходе разведывательного рейда пластуны почти никогда не давались в руки врагам. Считалось правилом, что пластун скорее потеряет жизнь, чем свободу.

Умело выбрав позицию, и заранее наметив пути отхода, пластуны в случае преследования отстреливались или молча укрывались на местности. В обоих случаях противник опасался немедленно открыто атаковать небольшой отряд разведчиков, зная меткость пластунского выстрела и опасность засады. Сбив таким образом «кураж» у преследователей, пластуны отходили. Раненых в беде не бросали, погибших – хоронили на месте или по возможности уносили с собой.

Опытные пластуны были отличными психологами. Например, учили молодежь, что в разведке при встрече с противником один на один: «Даже храбрейший из горцев не откажется немножко струсить, если на него никто не будет смотреть, если не случится свидетелей с длинными языками. Когда речь не идет о добыче, горец любит, чтобы яркое солнце светило на его подвиг, чтобы на него смотрели, «если не сорок веков, так сорок земляков, у которых, разумеется, сорок языков».

Поэтому в ситуации, когда горец один, говорили ветераны, горец вряд ли сам пойдет на обострение и, скорее всего, уклонится от столкновения с вооруженным и готовым к схватке казаком.

В пластунские команды казаки не назначались, а выбирались «стариками» из среды надежных и проверенных в деле воинов. Стремились брать молодое пополнение из проверен-

ных и надежных пластунских династий, в которых секреты боевого и охотничьего ремесла передавались по наследству от дедов и отцов.

Пройти придирчивый отбор могли только казаки, способные на трудную пластунскую службу и, кроме природной удалости и отваги, имеющие верный глаз и твердую руку для стрельбы без промаха.

Особенно жесткие требования предъявлялись к физической подготовке. Пластун должен был быть способным совершать длительные марши в горно-лесистой местности, в холод и жару, сытый и голодный. Обязательными считались такие качества, как хладнокровие и терпеливость, чтобы в непосредственной близости от неприятеля пролежать многие часы в камышах, кустарнике и траве, нередко в ледяной воде, на снегу или летом в тучах надоедливой мошкеры, не изобличив при этом своего присутствия неосторожным движением.

В поиске в тылу противника главным считалось обеспечить скрытность собственных передвижений, обнаружить неприятеля первыми, умело завлечь его в засаду. У пластунов не задерживались казаки, не умевшие убрать за собой собственный след, не освоившие искусство бесшумного передвижения по тростникам и лесному валежнику. Ценились люди, способные читать следы и определять по ним состав участников готовящегося набега и направление их движения.

Переправившись на сторону противника, пластуны исчезали. А когда по росистой траве или снежному насту за ними тянулись предательские следы, умело их запутывали, хитрили, как старые зайцы – двигались вперед спиной, прыгали на одной ноге, всячески скрывали истинное направление движения и численность группы.

Батюшка не только рассказывал о подвигах и обычаях пластунов-казаков, но и сам обучил сыновей многим навыкам и хитростям.

И Андрей, и Петр, и даже маленький Ванюша, выросли сильными и выносливыми, умели отлично стрелять, читать следы, выживать в горах и лесу, плавали, ныряли, охотились. Умело обращались и уважительно относились к оружию, с детства могли сами заряжать патроны.

Холодным оружием и нагайкой дети тоже пользовались, как заправские пластуны.

Старшие братья в своих детских играх могли в свободное время часами фехтовать на саблях, метать ножи, лопаты, даже лом в цель.

А Ванюше больше нравилось оружие огнестрельное. Несмотря на юный возраст, он часто побеждал многих, даже взрослых, в стрельбе по разным мишеням.

Штуцер для него был тяжеловат, конечно, а вот из пистолета или легкого кавалерийского карабина он промаха не знал.

Его и учить то особенно не пришлось. Просто однажды показали и рассказали, на что нажимать и как целить. До остального он дошел сам. На вопрос, как ему это удастся, отвечал: «Я, как будто показываю пальцем на цель и, даже если она движется, я пальцем веду за ней, и, когда палец найдет точку, в которую надо попасть, я нажимаю на курок. Плавненько так, нежно, как будто глажу. И не дышу при этом, а дыхание само пропадает в нужный момент, я даже об этом не думаю.

– А когда я цель не вижу, а только слышу, я как будто показываю пальчиком, вот там, мол, она прячется.

– И всегда угадываю.

Ванюша, несмотря на юный возраст, знал ко всему прочему весь церковный устав, запомнил все молитвы. Слава Богу, памятью обижен не был.

И в будни, и в праздники, вместе с отцом вел службу, помогал при крещении, отпевании, венчании. Умел хорошо читать, а писал лучше многих «писарчуков».

Выбирать жизненный путь не приходилось, все шло к тому, что служить в своем Храме – его судьба.

Глава 9. Ванюша учится жизни

В 1916 году отец благословил Ваню на обучение в уездном духовном училище.

Обучаться здесь обязаны были все дети духовенства, – «в надежду священства», так сказать. Те из детей, которые уклонялись от обучения в этих школах, исключались из духовного сословия.

Училища находились в живой и нераздельной связи с духовными семинариями и духовными академиями.

Согласно уставу духовно-учебных заведений школы относились к низшей группе, семинарии и академии – к средней и высшей группам обучения.

Духовные училища предназначались «для первоначального образования и подготовки детей к служению православной церкви».

Непосредственное попечение о школах вверялось местному духовенству.

Учебно-воспитательная часть состояла под руководством местных семинарских правлений, а непосредственное управление вверялось смотрителю и правлению (в составе смотрителя и учителей), ведающему дела по учебной, нравственной и хозяйственной частям. В училища бесплатно принимались дети духовного сословия, для детей из других сословий обучение было платным.

Училища имели 4 класса, программа которых приближалась к программе четырёх классов гимназий.

Ученики почти все приходили на учебу неграмотными.

Неудивительно, что Ваня, который умел и писать, и читать, и считать, без особых усилий стал лучшим учеником и был торжественно, без экзаменов, переведен в следующий класс.

С детства Ваня рос крепким, высоким, сильным пареньком, породой в папу пошел.

Выглядел он старше своих лет, и поэтому, в новом классе пришелся «ко двору». А после нескольких мальчишеских стычек с самыми сильными в классе стал одним из самых уважаемых в школе.

Не только за силу, и посильнее были, а за отвагу и благородство в драке.

Слабые искали и находили у него защиту, сильные старались искать его дружбы.

Но он был сам – по себе мальчик.

Отношения у него были со всеми одинаково ровными и приятельскими, свободное время Ваня предпочитал проводить в одиночестве.

Ни один из предметов обучения Ваню не привлекал, он чувствовал, что священником ему не случится быть, нет интереса к духовному.

Он был искренне верующим человеком, но все-таки больше его привлекали вещи земные, особенно те, наблюдать за которыми было интересно и страшно одновременно.

Молния, гром, ливень, ураган, наводнения, в общем, все стихии.

Сокровенной мечтой была мечта о море, которого он никогда не видел, но почему-то явственно представлял. Оно приходило к нему во снах, которые качали Ваню вместе со сказочными кораблями в неведомых морях и океанах.

Но об этом не знала ни одна живая душа, об этом он в ночи или во сне беседовал только с Богом.

Только Ему он доверял, у Него в молитвах просил о другой, опасной и интересной судьбе.

Он не просил сделать его моряком или воином, он просил о возможности увидеть далекие страны, узнать тайны другой природы, повадки невиданных зверей.

Хотелось искать и находить клады, спасать несчастных, помогать слабым.

Героем представлять себя как-то не получалось, всегда в мечтах своих был рядом тот, кто и умней, сильнее и удачливей его самого. Этот кто-то и стал для него олицетворением

Бога. С одной стороны, Бог был где-то далеко, в звездном небе, но, когда Ванюша окунался в свои выдуманные путешествия, Бог оказывался рядом, и по его приказам они вместе улетали из скучного школьного жилища в сказочные миры.

И возвращались вместе.

Потом Бог отправлялся по своим делам, а Ванюша возвращался «к делам своим скорбным».

Так постепенно у Вани появились свои отношения с Богом. Только теперь он понял наставления своего отца, который на вопрос маленького Ванюши, кто это Бог и как с ним можно поговорить, ответил – с Богом надо иметь личные отношения. Иначе все свечки, все посты, причащение – всё мимо.

– Христианство – это живая жизнь с живым Богом – учил батюшка.

– Если не будешь менять своё сердце, свои мысли всю свою жизнь, стремиться к добру и любви, ничего хорошего не жди. Поймешь, что без Бога ни шагу ступить, ни чаю попить, сам себя будешь уважать – эти слова батюшки запомнились.

Ваня понимал, что предстоящая духовная жизнь, к которой его готовили, может быть связана с уходом навсегда из мирской жизни.

Он был знаком со многими отшельниками и монахами, часто подолгу слушал их рассказы о трудностях и благе затворничества.

Мирское одиночество его не пугало, он научился преодолевать неудобства, связанные с этим.

С ним всегда был Бог – собеседник, друг, наставник и духовный Отец.

Он теперь понимал состояние книжных героев, по своей доброй, или чужой злобной воле оказавшиеся в заточении, или в отдалении от людей.

Герои этих книг смогли достойно и счастливо жить в одиночестве.

А спасали их всех, без исключения, от бед и сумасшествия труд, молитва, вера, мечта.

Многие думали, что оказались в одиночестве вроде бы бессознательно и случайно, просто выбирали профессию, не думая при этом о трудностях.

Но нет!

Выбор профессии лесника, моряка, исследователя, путешественника совершается человеком не случайно, здесь явно виден промысел Божий.

Это люди особенные, они внутренне готовы к испытаниям и лишениям и даже иногда мечтают о них.

Одиночество, тем более добровольное, тяжелое бремя, и Бог знает, кто его может нести.

Бог никогда не посылает людям испытаний, которые они не в силах преодолевать.

На Рождество Христово первого года обучения Ванюша приехал на короткие каникулы в родное село Чашниково.

Возвращение домой после первого в жизни долгого отсутствия было долгожданным и желанным, но вкусить радость приезда в полной мере не получилось.

Деревня стала совсем другой. Чужой, какой-то.

Вроде бы ничего не изменилось, но людей, как подменили. Многие односельчане стали грубее, злее, стали больше пить спиртного.

Ссоры и даже драки между когда-то добрыми соседями стали обыденностью.

Звонарь Алексей, который кормился при Храме и существовал исключительно подаями прихожан, перестал подниматься на звонницу. Стал подолгу рассказывать про скорый рай на земле, равенство и братство, называл себя большевиком. Говорил, что ждет – не дожидется революции, настоящей, пролетарской.

– Тогда всем барам и «ксплутаторам» будет конец, пожжем все усадьбы, отберем все и поделим – злобно в пьяном угаре цедил звонарь сквозь зубы.

Еще он много говорил о главном революционере, который в России всем заправляет, и от которого пощады барам и умникам всяким не будет.

Звоняря слушали из вежливости.

– Что с дурачка возьмешь. Пусть себе болтает – шептали с сочувствием.

Возвращались фронтовики, большинство приезжали с оружием, рассказывали страшные вещи о войне. Говорили, что воюем плохо, боевой дух упал. Развелось всяких агитаторов, те призывают не воевать, поскольку не за что, а сдаваться в плен, дезертировать.

– Солдат пока достаточно, а вот оружия мало, а боеприпасов нет совсем – поговаривали они.

Говорили непонятное для других, да и для себя тоже, о каких-то революционных эсерах, либерал-демократах, меньшевиках, большевиках.

О большевиках больше говорили, как о германских шпионах. Хотя звонярь Женька Тучков, который называл себя большевиком, никак не походил на шпиона.

– Какой там шпион, дурак – дураком – зубоскалили мужики.

Все чаще доходили слухи о грядущем бунте, революцией по – новому называется.

Была уж одна, в результате которой царь отрекся, а жизнь стала хуже, чем ожидали.

– Эх, забыли люди Бога, жди беды! – пророчествовали бабы.

Про царя-батюшку тоже быстро позабыли.

Будто и не было его никогда. Отрекся, говорят, сам, а вот куда делся после отречения, точно не знал никто, болтали всякое – разное.

Внешне жизнь при Храме почти не изменилась, службы шли как обычно, правда лиц просветленных и радостных стало меньше.

И это понятно – война. Все больше на службе женщины заказывали молебны за упокой воинов российских.

Свадеб почти не было, да и детишек крестить приносили редко, зато отпеваний заочных стало, хоть отбавляй.

Ваня помогал, чем мог отцу в церкви, да и домашних дел было достаточно.

За несколько дней до возвращения в школу батюшка позвал Ванюшу для очень серьезного разговора.

Из избы на время разговора были удалены все, даже маменька.

– Помолимся, отрок, и начнем – задумчиво взглянув на Ваню, произнес батюшка.

– Я прошу тебя, Иван, отнестись серьезно к тому, о чем я буду сейчас с тобой говорить. И не пропусти ничего.

– Хоть ты и невелик годами, но характер у тебя есть, умом и здоровьем ты удался вполне. Может быть, в другое время я бы погодил разговаривать с тобой, как с взрослым, но времена ныне бесовские, и как все повернется, одному Богу известно.

Виденье мне, надясь, ночью было – большая смута в государстве нашем случится. Народу погибнет больше, чем в войну, церкви будут рушить. Испытание для всех нас грядет страшное.

– Прав был монах-провидец Авель!

– Помилуй, Господи, нас, грешных и сохрани! Боюсь, что и нам всем грозит смертельная опасность.

– Случись что со мной плохого – тебе придется оставаться за старшего, маменьку защищать, приход взять на себя.

Со временем, конечно.

– Братя старшие на войне, вернутся ли? У сестер твоих семьи, да и проживают они далече отсюда.

– Вон и от Петрухи-то не слуху, ни духу, дай Бог им с Андреем быть «по – здорову» – от такого начала разговора у Ванюши побежали «мурашки» по спине.

– Что это? Почему батюшка будто прощается перед своим концом. Вроде не старый еще, и не больной.

– К чему такая срочность и таинственность?

– Почему даже маменька не присутствуют?

– Кто нам может угрожать?

– А как это можно церковь разрушить?

– Что за чудище может решиться на такое?

– И кто такой монах Авель и в чем он был прав?

Вопросов было много, но Ваня, приученный не перебивать старших, и говорить только тогда, когда позволят, или спросят о чем-нибудь, помалкивал.

– Ванюша, ты ведь знаешь, что я умею лечить людей, то есть не только душевные, но и телесные болезни?

– Да, я видел, как Вы это делаете, но не понимаю, почему это происходит. Никаких лекарств и травок Вы, батюшка, не даете, а больные исцеляются.

– Вот об этом и не только об этом будет наш разговор – садись и слушай.

– Я так решил – в духовную школу ты больше не поедешь, будешь жить при мне, при Храме и нашей школе.

– Со смотрителем и Правлением твоей школы я договорюсь, чтобы, чего плохого, не лишили бы тебя духовного сана.

– Всему буду учить тебя сам. Ты многое уже умеешь и знаешь – продолжишь учебу здесь. Мы с матушкой будем учить тебя. Я – наукам церковным, матушка – светским. Кроме прочего, буду по-прежнему учить тебя воинским пластуническим премудростям и, главное, попробую передать тебе секреты лечебного дела.

– Последнее сложнее всего, тебе рано еще этим заниматься, но, надеюсь, Господь подскажет тебе в будущем, когда можно будет начинать.

– Но прежде ты должен пройти испытание, чтобы я мог убедиться, что ты можешь лечить, и тебе разрешат это делать, и мне разрешат передать тебе этот дар Божий.

– И если тебе позволят это делать – исцеление страждущих и будет главным делом твоей жизни, хочешь ты этого или не хочешь.

– Вот ведь как бывает в нашей грешной жизни – крест свой приходится получать уже в малом возрасте – завздыхал батюшка.

– Но у тебя есть пример необходимости отдать свою жизнь страждущим – Христос получил свой крест еще до своего зачатия, пронес его до своей земной кончины, и будет нести вечно!

– Крепись, отрок, и не бойся ничего. Делай, что надо, и будь, что будет! И да пребудут с нами все небесные силы!

Батюшка удалился и появился с уже знакомым сундучком. Достал книгу, открыл ее на известной ему странице. Про себя почитал, закрыл книгу и бережно положил на застеленный праздничной скатертью стол.

– Положи, отрок, правую руку на книгу и давай помолимся с тобой о ниспослании благодати Божьей на нас, грешных. Читай «Верую..» и «Достойно есть..».

Ванюша привычно начал читать известные ему молитвы, но дальше все стало происходить не так, как всегда.

Он произносил слова молитв, но голоса своего не слышал, исчезли все предметы вокруг, не стало рядом и батюшки. Не осталось ничего земного, был он и Голос.

Ваня понял, что сюда пришел и начал говорить с ним его живой Бог, с которым он путешествовал по чудесным странам. Бог по-прежнему говорил с ним, но уже не как с мечтательным мальчишкой, а как наставник с взрослым учеником.

Как во сне Ваня не видел ничего вокруг себя, он слышал только Голос, который проникал в его душу и сердечко. И даже не слышал, а ощущал.

Голос проникал в него, как незаметно проникает воздух в закрытое помещение, и приносил с собой Его наставления.

Это было новое чувство и Ванюша не сопротивлялся ему.

Он весь растворился в Голосе, а Голос в нем.

Наставления, которые получил Ваня, были краткими и понятными.

Первое – ему вменялось заниматься врачеванием, строго следуя указаниям, написанным в книге.

Второе – исцелять при этом он должен всех людей, независимо от национальности, возраста и веры. Отказывать он не имеет права никому и никогда, просто взять и перестать лечить ему тоже запрещалось.

Третье – лечить себя и родных ему людей он не должен даже пытаться.

Четвертое, и самое главное, – он должен уяснить, что с этого дня основным житейским занятием для него должно стать целительство.

Духовное при этом не возбраняется.

Пятое – за нарушение каждого правила, он будет сурово наказан.

Общался Ванюша, как ему казалось, не больше минуты, но, когда очнулся, за окном уже вечерело.

Рядом сидел отец и гладил его по голове.

– Ой, Ванюшка, кровиночка моя – произнес он с горечью в голосе – какой же крест я возложил на твои хрупкие плечи. Как тяжело тебе будет жить, сколько горя и боли пропустишь ты через свою душу. Сколько же черной неблагодарности получишь за свой тяжкий труд!

Глава 10. Юденич приехал!

– Ну все, хватит причитать, дело сделано, с завтрашнего дня будем лечить вместе. Теперь нас двое и вместе нам будет легче и покойнее нести наш, теперь уже общий крест. —Вот, братьев твоих Господь не благословил на подвиг врачевания, видимо, у них свое предназначение – с печалью вспомнил батюшка старшеньких своих.

– Завтра поутру я покажу тебе место, где «живет» книга. Эту тайну теперь будем знать мы с тобой и еще твои братья. Покажем им это место, как только возвратятся.

– Матушке ничего говорить не станем, не потому, что не доверяем, а потому, что негоже посвящать женщин в мужские дела.

– И еще...

– В этом месте хранятся особо ценные старинные предметы церковной утвари и иконы, которые спрятал тогдашний настоятель Храма во время французского нашествия в 1812 году. Тогда от французов было огромное разорение, но наш Храм не подвергался такому оскорблению, какие претерпели множество других Храмов.

– Случилось это по особому покровительству Царицы Небесной. Рассказывают, будто было видение, после которого французы со страхом смотрели на наш храм и говорили: «Страшен ваш кирха!». И обходили Храм стороной.

– Помяни Господи настоятелей Храма сего и сохрани их души в царствии твоём – батюшка истово перекрестился.

– Я специально не открывал никому тайну клада. В нашем Храме и так, слава Господу, всего достаточно, а этот клад пусть хранится на случай наступления худших времен.

– Тайну я хотел передать своему приемнику, но видение мне было, что приемника мне не дожидаться – батюшка жестом остановил Ваню – молчи, отрок, это не обязательно значит, что я вскорости покину вас.

– Погожу пока, Бог даст, «по – живу» будем.

– Я ведь совсем недавно случайно обнаружил тайник, он так хитро устроен! Сам увидишь завтра.

– Вот мне тогда мне и подумалось – не надо никому постороннему о кладе говорить. Если смута все-таки начнется, спрячем туда книгу и нынешние храмовые ценности от греха. А тайничок, в котором сейчас хранится книга, мы с тобой и братьями твоими будем использовать, как почтовый ящик на случай прихода супостатов.

– Все может случиться. Эх, дела наши грешные!

– Давай помолимся с тобой на ночь глядя, да пойдем почивать. Утро вечера мудренее.

Но наутро пойти в тайник не случилось.

Без предупреждения, нежданно-негаданно, на пороге возник Андрей, да не один, а со своим командиром – легендарным генералом Николаем Николаевичем Юденичем и его окружением!

Ванюша был немного разочарован – ожидал увидеть такого богатыря с огромными усами.

Усы присутствовали, а вот до богатыря Юденич явно не дотягивал. Генерал, как говорится, был «неладно скроен, но крепко сшит», и, похоже, имел очень цельный и твердый характер.

Он казался не совсем обыденным человеком, не то чудаковатым, не то просто сильно себе на уме.

Слушает собеседника, поглядывая исподлобья, будто видит всех насквозь и мало кому верит. А если уж скажет чего, то слово его всегда метко и умно.

При этом он совсем не угрюмый и в нём много юмора.

После шумной радости встречи и взаимных представлений уселись за праздничный стол. Разговор за столом все время склонялся к недавним событиям и оценке вероятных будущих событий.

Много говорили о войне, геройствах русских воинов, о большевиках, меньшевиках, Временном правительстве, судьбе отреченного монарха и его семьи.

Все-таки, Москва – не Питер, не столица. Чай, новости сюда доходят не сразу и не всегда достоверно.

Больше всех интересовались личностью невесты откуда взявшегося руководителя партии большевиков – Владимиром Ульяновым, с непонятной кличкой – Ленин.

– Николай Николаевич, не будете ли Вы так любезны – поделитесь, Бога ради, и расскажите нам о Ленине. Уж больно фигура загадочная...

– Кто говорит шпион, кто – спаситель России – обратился с просьбой к Юденичу батюшка.

– Кто он на самом деле, великий деятель или преступник? Вот и наш звонарь, единственный большевик на всю округу, пугает все село им, как главным будущим палачом – смущенно спрашивал батюшка у генерала.

– Что же, попробую живописать этого мерзавца – согласился Юденич.

– Знаю его по рассказам многих, кто с ним сталкивался.

– Лично не знаком, но, если бы встретился он на моем жизненном пути – руки бы не подал. Жаль, не повесили его вовремя, чувствую, что бед натворит он немало.

Несчастий от этих большевиков можно ожидать более, чем от всех иноземных захватчиков.

– Больно уж привлекательна для черни их платформа политическая – рай на земле обещают: землю – крестьянам, заводы – рабочим, смерть всем остальным.

– Ваше сословие, батюшка, они не любят особенно. Если возьмут власть, Святую Церковь уничтожат в первую очередь.

– Церковь, это единственное, что удерживает пока толпу от насилия – запротестовал отец Михаил, но тут же смущенно остановился.

– А, вообще то, Николай Николаевич, Вы правы – церковь в ее сегодняшнем виде, особенная моя печаль, простите, что перебил Вас – произнес батюшка. Я не имею в виду, вас, полковых священников, сын мой – предугадав возражение Андрея, добавил он.

– Нестроение в нашей Богом оберегаемой церкви, непорядок. Больно и грешно говорить об этом мне, служителю церкви. Наша церковь, как организм, больна, надеюсь, что излечимо, но где найти лекарство от болезни?

– Церковь всегда держалась единением духовника и прихожан. В этом ее сила и предназначение. А что происходит сегодня? – батюшка в возбуждении вскочил со стула.

– Благочинные, как чиновники, стремятся вверх, используя лесть, наветы, подарки, подношения. Слаб человек, а особенно, если к власти приставлен. Полуграмотные священники становятся епископами. Вот, наш – Макарий, всего-навсего семинарист, а назначен Московским Митрополитом.

– Происходит измельчание архиерейства, монашество гибнет, а за ним разваливаются руководимые монахами духовные учебные и общеобразовательные заведения.

– Я в этом году принимал участие в Поместном Соборе Российской Православной Церкви и во внеочередном порядке был заслушан доклад моего предшественника на месте благочинного, протоиерея Павла Соколова о церковно-приходских школах.

– На основании закона от 20 июля сего года светские власти отняли у Церкви приходские школы и передали их в ведение Министерства просвещения. При обсуждении доклада ни слова не было сказано в защиту правительственного произвола, все выступали с резкой отповедью правительству.

– После обсуждения в соборном постановлении записали: «Просить Временное правительство закон 20 июля 1917 года отменить в тех его частях, которые касаются передачи церковно-приходских, второклассных, церковно-учительских школ в ведомство Министерства народного просвещения. Все церковно-приходские школы и школы грамоты передать в ведение православных приходов».

– Для переговоров с правительством мы направили в Петроград делегацию во главе с архиепископом Тамбовским Кириллом.

– 11 октября встречались соборные делегаты, в их числе и ваш покорный слуга, с министром Антоном Карташовым, который сказал, что правительство не изменит свою позицию, потому что церковно-приходская школа – детище старого режима и не может служить новому государственному строю. Правда он выразил надежду, что соборное деяние даст ему основание отстаивать в правительстве неприкосновенность преподавания Закона Божия.

– В тот же день беседовали мы с министром – председателем Александром Керенским. Его позиция такова, что новый государственный строй должен быть внеконфессиональным, и поэтому, закон от 20 июля отмене не подлежит.

– Вот и получается, что Власть отрывает Церковь от народа, а ее служители грешат, стремясь к дарам земным.

А если уж пастырь и учитель грешат безоглядно, что спрашивать с овец и учеников?

Вот, к примеру, звонарь нашего Храма...

Больше десятка лет он неотлучно состоял при Храме.

Не пил, в драках и склоках замечен не был. Сейчас пьет безоглядно, напился даже в страстную пятницу. Ходит, зубами скрипит, большевиком себя называет. Грозит, что вскорости всех нас изничтожит, ждет только революции.

– Так что, Николай Николаевич, не только в миру все разваливается, разрушается сама основа Российской государственности.

– За Веру, Царя и Отечество! – вот лозунг нации.

– Связка Святой Церкви, монархии и народа. Монархии уж нет, а с церковью вон что происходит.

– А без этого союза Отечеству не выжить.

– 11 октября решили мы на Поместном Соборе, что в трудную годину необходимо восстановить патриаршество на Руси. Смутная обстановка в стране побудила нас к спешному восстановлению первосвятительского служения. Решительное большинство выступивших на Соборе отстояло формулу, предложенную епископом Архангельским Митрофаном, в которой патриаршество ставилось в центр образуемой высшей церковной власти.

– Одним из самых весомых аргументов была история Церкви в лице её предстоятелей, примеры которых приводили сторонники возрождения патриаршества.

Вдохновеннее всех о важности патриаршества для русского народа сказал тогда мой старинный товарищ, архимандрит Иларион (Троицкий): «Зовут Москву сердцем России. Но где же в Москве бьется русское сердце? На бирже? В торговых рядах? На Кузнецком мосту? Оно бьется, конечно, в Кремле... в Успенском соборе... Поместный Собор Церкви Российской от Бога данной ему властью постановит снова Московского Патриарха на его законное, неотъемлемое место. И когда под звон московских колоколов пойдет Святейший Патриарх на свое историческое священное место в Успенском соборе, будет тогда великая радость на земле и на небе» – вот как правильно сказал мой товарищ.

– В условиях разрухи, переживаемой страной, государственного развала и нравственного падения народа от Церкви требуется особая духовная трезвость и мудрость, предельное сосредоточение нравственных сил, поэтому, и появилась настоятельная нужда в предстоятеле и вожде, который бы взял бремя ответственности за Церковь и за окормляемый ею духовно растерзанный народ Патриарху предстоит стать защитником и хранителем Церкви, не мирским

вождём, а молитвенником, ходатаем, заступником и отцом православного народа – батюшка закончил свою речь и присел, руки его тряслись от волнения.

– Вы правы, отец Михаил – лицо генерала сделалось жестким – и полностью поддерживаю Ваши слова. – Нравственность народа надо срочно восстанавливать. Еще немного, и брат начнет убивать брата. Пугачевщина покажется детской игрой! Только не поздно ли?

– Надо срочно действовать, уничтожать зарождающуюся гидру каленым железом, а о нравственности позже поговорим – голос Юденича звучал уже с явными металлическими нотками.

– А кто возглавит действительно крестовый поход? – теперь уже Юденич, волнуясь, ходил по комнате.

– Не эта же тряпка Керенский?

– Я убежденный монархист, и после Отречения Государя не могу мириться с существованием Временного Правительства и оставался до последнего времени на своем посту лишь из любви к своей Кавказской Армии.

– В марте 1917 года я, по причине плохого снабжения и усталости войск, прекратил начавшееся наступление на Багдадском и Пенджабском направлениях, и отвёл 1-й и 7-й корпуса в районы базирования.

– Несмотря на требования Керенского, я отказался возобновить наступление, обусловленное только стремлением Временного кабинета министров оказать услугу Великобритании.

– И вот, как следствие, пятого мая, был отозван с должности Главнокомандующего с официальной формулировкой: «За сопротивление указаниям».

– Я спросил Керенского о причине снятия с должности, он ответил: «Вы слишком популярны в своей Армии!».

– Идиот! В какие это такие времена любовь солдат к своему командиру стала считаться преступлением? – Юденич от волнения снова вскочил с места, присев только что.

– Перед прощанием мне мои подчиненные преподнесли золотую шашку, осыпанную драгоценными камнями. Я даже прослезился.

– Не подарок дорог, а отношение, признание меня, как командира. Мы с моей супругой Александрой Федоровной продали наш дом в Тифлисе и земли в Кисловодске и вот теперь, как говорится, без кола-без двора.

– Милости просим, генерал, поживите у нас, будем очень Вам обязаны – предложил батюшка.

Ваня в ожидании ответа генерала замер, неужели случится чудо, и сам легендарный генерал будет жить в соседней комнате?

– Благодарю за приглашение, но, к моему великому сожалению, воспользоваться им не имею возможности. Уже обещал своему другу, адмиралу Хоменко, воспользоваться его любезным приглашением. Он поселил нас на своей свободной сейчас квартире в доме страхового общества «Россия» на Каменоостровском проспекте. Сегодня переезжаем, а там, как Бог даст. Времена ныне беспокойные, со дня на день можно ждать переворота.

– Да, что-то мы заговорились, отвлеклись от рассказа о Ленине – всплеснул руками генерал.

– Вспомните, господа, да вот и отец Андрей подтвердит, какая у всех нас, у гвардии и армии случилась огромная радость, когда 17 июля 1914 года объявили мобилизацию! Ликование было безмерным, после позора поражения от японцев все военные жаждали войны и побед! Особенно после унижений, испытанных из-за проигранной японской войны и оскорблений от собственных «писак» и остальной штатской сволочи!

– А как ликовал простой народ! Нас забрасывали цветами, пышными речами!

«Слава Царю и Отечеству! Мы их сотрем с лица Земли! Вперед – до полной победы русского оружия».

«Следуя историческим своим заветам, Россия, единая по вере и крови со славянскими народами, никогда не взирала на их судьбу безучастно» – писалось в Высочайшем Манифесте.

– Какие цели поставил в нем перед нами Самодержец Всероссийский? Целей было определено две – спасти от австрийской колонизации сербов, черногорцев, босняков и оказать помощь союзникам – Франции и Великобритании.

– Германия против англичан и французов, ее истинных врагов, выставила почти все свои лучшие войска, а от наших отгородилась кордоном из шестнадцати второразрядных дивизий ландштурма.

– Получается, что враг у нас в этой войне был один – Австро-Венгрия, да и то, только из-за братьев-славян.

– Это официально, а на самом деле, нас сюда втянули, чтобы ослабить, и, вообще, погубить Россию!

– А для крестьян, солдат и обывателей цель в этой войне одна – «За веру, Царя и Отечество!». Эта война должна была стать короткой, победоносной, Отечественной!

– Поэтому мы и бросили в эту, совсем не нашу «мясорубку», свои лучшие войска. Заметьте, не для защиты своих границ, не для завоевания новых территорий, а для защиты чужих, пусть и братьев по вере, интересов.

– И итоги стали, как бы это мягче выразиться, плачевными.

– А почему, спросите вы, в чем причина поражений?

– Их несколько, и героизм русского воина здесь не причем.

– О «готовности» России к первой мировой войне очень авторитетно говорил мой боевой товарищ – Деникин. И об истощившихся материальных запасах, и недочетах в организации, обучении и управлении.

– По нашему общему с ним мнению армия вообще до 1910 года оставалась в полном смысле слова беспомощной. Только в самые последние перед войной годы работа по восстановлению и реорганизации русских вооруженных сил подняла их значительно, но в техническом и материальном отношении совершенно недостаточно. К примеру, Закон о постройке флота прошел только в 1912 году.

– Так называемая «Большая программа», которая должна была значительно усилить армию, была утверждена лишь в марте 1914. Так что ничего существенного из этой программы осуществить не удалось: корпуса вышли на войну, имея от 108 до 124 орудий против 160 немецких и почти не имея тяжелой артиллерии и запаса ружей.

– В числе главных причин этого Деникин называл «нашу инертность, бюрократическую волокиту, бездарность военного министра Сухомлинова – «совершенно невежественного в военном деле».

– Ситуация усугублялась еще и тем, что русская армия то и дело шла в наступление совершенно не подготовившись – поскольку союзники, терпевшие поражение за поражением, панически просили помочь, и полк за полком ложился костями, спасая «цивилизованных» французов и англичан...

– Союзникам мы помогли, если бы не мы, Франция давно бы сдалась.

– Нам уже с осени 1915 года стало просто нечем стрелять. Слишком мало времени прошло с японской войны – накопленные за короткие мирные годы запасы патронов и снарядов закончились. Союзники помогать не спешили, им тоже надо чем-то заряжаться.

– А кто командует на фронтах?

– Те же генералы, проигравшие японскую войну вчистую.

– Вот они и на этой войне проиграли одно сражение за другим!

– Еще одна наша беда – консерватизм и безграмотность, неумение предвидеть, подумать.

– Один из лучших наших генералов, человек известный и заслуженный, утверждал и отстаивал до конца, и ведь отстоял, таки свое мнение, что де, пулеметы армии не нужны!

– Чтобы убить – утверждал он на самом высоком уровне – достаточно одной меткой пули, ни к чему «решетить» человека, – такая вот была его аргументация.

– Другие были категорически против бронированных щитов на артиллерийских орудиях, чтобы русский солдат за них не прятался, а проявлял чудеса храбрости и героизма.

– «Пуля-дура, штык-молодец, поэтому русский солдат должен идти в атаку и побеждать, а не прятаться за щитами и окопами – кричали эти лжепатриоты. А немец, не будь дурак, придумал авиацию, стальной шлем защитный, удушливый газ, скорострельное оружие.

– А русская армия, как всегда, вышла вооруженная пикой, шашкой, да иконой против пулеметов и газов.

– И сомлела!

– За первые полгода войны немцы и австрияки перемололи хорошо подготовленные лучшие российские войска, в том числе, опытных солдат, унтер, обер и штабс-офицеров – костяк армии.

– Противники наши перегруппировались, а у нас теперь речь идет о самом существовании армии, да, что там армии, Государства Российского!

– Выходит, добились своего, супостаты и либералы! Извините, господа за многословность, накипело!

– Я продолжу, с вашего позволения? – Юденич отхлебнул остывший чай и, подняв указательный палец правой руки вверх в знак особого внимания, произнес: «Но главный наш враг – внутренний. Расшатывать основы самодержавия пытались всегда. В чем, по моему разумению, основная причина ненависти к монархии не только у нас, но и в других странах»?

– Ответу вам – в противоречиях между абсолютной властью, коей является монархия, и капиталом, которому тесно и боязно в рамках государственного строя, управляемого одним человеком.

– Как бы не был ты богат и знатен, судьба твоя в руках самодержца.

– По любому поводу, или даже просто его капризу, твоя жизнь может закончиться в одно мгновение. Будет умножаться твой капитал, или завтра ты станешь каторжанином, получишь ты потомственное дворянство, или сложишь голову на плахе – зависит только от монарха.

– А простой народ любит царя, и не за его качества, а просто потому, что он помазанник божий. Царю народом позволяется все, он может творить беззакония, убивать без суда, казнить и миловать любого.

– Вспомните Иоанна Грозного. Его пять периодов насилия. Когда он сжег Москву и установил на площади огромный котел с кипятком, жители были уверены, что они все там и будут сварены заживо. Но не роптали, не взялись за топоры и колья, а молча приняли это.

– Но когда тот же царь ради укрепления своей власти съехал из Кремля в Александров, ужас охватил всех. Народ, духовенство, бояре умоляли царя вернуться и выполнили все его условия, укрепив тем самым его власть.

– Или, вот, вспомните Петра I. Он перевернул сложившийся веками уклад жизни всего народа, не исключая «верхушки» общества. Приняли как должное, без обсуждений и споров.

– Какие споры? Царю виднее. И мечта у народа от этого проста – кабы царь был бы добрей, все остальное от Бога.

– Но не у всех отсутствует грех властолюбия. И, прежде всего, у людей, этой властью обласканной. Им надо больше, им тоже хочется на трон. А коли сложилась династия, как попасть в цари?

– Идти бунтовать или уничтожить монархию, как форму правления.

– В любом случае, нужна толпа, которая поддержит твои идеи. Без нее никак, мы все еще помним пример декабристов, которые, как известно, были страшно далеки от народа.

– Народ никогда не поддержит самозванцев, им нужна идея.

– При чем такая, которая бы полностью заменила православное сознание – Веру народа в Бога, Веру в возможность счастливой загробной жизни, в рай и ад.

– Люди готовы страдать ради того, чтобы увидеть этот рай еще при этой жизни, прикоснуться к нему руками, пусть не своими, а руками своих детей, или внуков. Ради этого толпа не пощадит никого, будут стремиться в этот рай, несмотря ни на что, не соблюдая никаких правил и законов, убивая по приказу любого – брата, отца, мать, не важно. Любого, кто стоит на пути к светлому и уже недалекому счастливому будущему.

– Такую идею и подкинули народу большевики.

– Вот теперь я и подошел к рассказу о господине Ульянове по кличке «Ленин»:

«Человек он неординарный и умный. Я составлю свой рассказ из сведений, полученных мною из разных источников. С вашего позволения я не буду раскрывать эти источники, дабы не утомлять ваше внимание излишними подробностями.

Полное его имя Владимир Ильич Ульянов. Ему сейчас немногим меньше пятидесяти, лет сорок семь – сорок девять. В детстве, по слухам, способности имел исключительные, обладал огромной памятью, отличался любознательностью и необычайной работоспособностью. Воистину, это была ходячая энциклопедия, говорят те, кто знал его в эти годы.

Любить его – не любили, скорее – ценили. Родом он из города Симбирск, из семьи еврейских полукровок. Отец – инспектор народных училищ, дослужился до чина действительного статского советника, что давало тогда ему право на потомственное дворянство.

Кстати, руководил гимназией отец нынешнего руководителя Временного Правительства.

Да-с, Керенский с Владимиром Ульяновым вместе учились.

Окончив гимназию с золотой медалью, младший Ульянов, я буду его так называть, хотя в семье были и более младшие дети, личности которых интереса не вызывают, поступил на юридический факультет Казанского университета.

Никакого интереса к общественной жизни он тогда не проявлял, посещал симбирское религиозное общество преподобного Сергия Радонежского, был прилежен в учебе.

Все было благополучно до тех пор, пока не арестовали и не казнили в 1887 году старшего брата – Ульянова Александра, как участника народовольческого заговора с целью покушения на жизнь императора Александра III. Семья, кстати, не знала о преступной деятельности старшего Ульянова, во всяком случае, они так утверждают.

Через три месяца после поступления в Казанский университет из-за участия в нелегальном кружке партии «Народная воля» и студенческих беспорядках Владимира Ульянова выгнали из университета и выслали в деревню Кокушкино Лаишевского уезда Казанской губернии, где он жил в доме своей тетки Любови Ардашевой до 1889 года.

Вполне понятно, что после этого Ульянов-младший был включен в список неблагонадежных лиц и находился под постоянным полицейским надзором.

Вернувшись в Казань, он вступил в один из марксистских кружков, а затем, в мае 1889 года, купил имение Алакаевка в Самарской губернии.

Семья переехала туда же в полном составе.

Но помещика из Ульянова-Ленина, к нашему великому сожалению, не вышло – крестьяне украли у семьи лошадь и две коровы. Хозяйство захирело, пришлось продать землю и дом и переехать в Самару. Вот ведь когда, наверное, возникла у Ульянова ненависть к крестьянам, и, как следствие, появились мысли о диктатуре пролетариата, про которую он пишет в своих статьях. Об этом вы еще услышите, диктатура в его понимании – это казнь.

К 1893 году под влиянием работ еще одного «умника», некоего Плеханова, которого Ленин боготворил, разрабатывается доктрина, объявившая Россию, в которой четыре пятых населения составляет крестьянство, «капиталистической» страной.

Спустя год Ленин формулирует утверждение, что «русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат

(рядом с пролетариатом всех остальных стран, кстати) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции».

Цель, поставленная Лениным – добиться революции в России.

А работал он тогда, когда это провозгласил, извиняюсь, помощником у присяжного поверенного – сошка мелкая.

Согласитесь, господа, для помощника присяжного цель, воистину, имперская!

В мае 1895 года Ульянов-Ленин уехал за границу, а, вернувшись, вместе с бандитом Мартовым, объединил разрозненные марксистские кружки в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», который основной своей целью провозгласил свержение самодержавия в союзе с «либеральной буржуазией».

Я бы весь этот союз еще тогда собственноручно расстрелял, и рука бы не дрогнула! – сквозь зубы процедил Юденич.

Вместо казни, которую Ульянов безусловно заслуживал с точки зрения закона, в 1895 году он был арестован и, пробыв год в тюрьме, был выслан на три года в село Шушенское Минусинского уезда Енисейской губернии, куда отправился вместе со своей кикиморой – женой Надеждой Крупской.

Извините, за «кикимору», это не мое определение, так называла Крупскую семья Ленина, которая не приняла ее. Там находили, что у нее уж очень «селедочный вид». Имелось в виду, что у Крупской глаза навывкате, как у рыбы.

В 1898 году в Минске Лениным учреждается Российская социал-демократическая народная партия. А мы опять молчим. Опять наша «охранка» выводов не делает. Они заняты «виршами» поэтов, боятся, кабы Высочайших не обидели словом!

В 1901 году начала печататься газета «Искра». В Швейцарии печатали, а редакция, в которую входили евреи Плеханов, Аксельрод, Засулич, Мартов, находилась в Мюнхене, а позже переехала в Лондон, где Ленин с Крупской жили под фамилией Рихтер. Тогда же в журнале «Заря» вышла статья Ульянова-Ленина, которую он впервые подписывает псевдонимом «Н. Ленин».

Ленин, это, потому, что любовница в то время у него была – Лена. То есть, он ее – Ленин любовник со всеми потрохами.

В 1903 году в Лондоне прошел II съезд РСДРП, где Ленин изложил проект программы партии и ее устав. Программа состояла из двух частей: программы-минимума, это свержение царизма, установление демократической республики, уничтожение остатков крепостничества, введение восьмичасового рабочего дня, признание права наций на самоопределение, установление равноправия наций и программы-максимума – это построение социалистического общества через социалистическую революцию и диктатуру пролетариата. Съезд тогда покинули семь человек, несогласные с положением о диктатуре пролетариата («экономисты») и национальном вопросе («бундовцы»). Произошло разделение и среди редакции «Искры» – на «твердых» (сторонники Ленина) и «мягких» (сторонники Мартова) из-за несогласия с тезисом Ленина о «личном участии в одной из партийных организаций» членов РСДРП. Противники Ленина усматривали в этом попытку создать не партию рабочего класса, а «секту заговорщиков». Это разделение положило началу расколу партии на «большевиков» и «меньшевиков».

– Окончательный раскол партии был оформлен на открывшемся в Лондоне в апреле 1905 года III съезде РСДРП, в котором отказались участвовать меньшевики.

– Во время бунта 1905 года Ленин находится в Швейцарии.

– Эту революцию он «проспал».

– Разгром бунта Ленина не остановил. Он считал, что «разбитые армии хорошо учатся» и говорил о неизбежности повторения переворота.

– В течение следующих лет этот мерзавец отстаивает необходимость превращения империалистической войны в войну гражданскую и выступает с лозунгом «революционного поражения».

– И все это мы знали! Все отслеживали! А взять бы, да и вздернуть его, как брата Александра? Следовало бы! Ведь прямая угроза государству.

– Лишать всех благ и званий!

– Нонсенс, господа – родные сыновья дворянина Ильи Ульянова, состоящего на государственной службе, покушаются на жизнь Государя, на Самодержавие, на Святую Церковь, а мы им – потомственное дворянство!

– И что они потеряли? Ничего – с.

– Вот так! А мы что потеряем?

– Все! Россию, в первую очередь! И не будет больше противостояния злу. Кончится Россия, Богом предназначенная для выполнения этой миссии! Зло покроет весь мир, и человечество проглотит само себя.

Продолжу – в апреле 1916 года в бронированном вагоне года Ленин был вместе со своими поделщиками переправлен в Россию с помощью немцев. Факт неоспоримый, ведь разве может непричастный человек, подданный государства, находящегося в состоянии войны с Германией, немцами же быть переправленным в Россию.

– Да не один, а с целой шайкой!

Задача, которая была поставлена перед Лениным и его шайкой нашими врагами – вывести Россию из войны и, тем самым, сделать невозможным поражение немцев.

– Такой вот фрукт этот Ленин! Шпион, враг Отечества!

– А ведь был приказ на высшем уровне, читал я его, в нем прямо сказано – Ленина не трогать! Душили других, а вот этого сказали – не трогать – агент охранки, якобы.

– В июле этого года большевики участвовали в антиправительственных протестах, выступали с лозунгами о передачи власти Советам и о начале переговоров с Германией о заключении мира. Демонстрация переросла в перестрелки, большевиков обвинили в организации «вооруженного выступления против государственной власти».

– 20 июля, наконец – то был отдан приказ об аресте Ленина по обвинению его в государственной измене и организации вооруженного восстания. Однако дело было прекращено из-за отсутствия доказательств.

– Вот она, наша Фемида! – от досады Юденич громко стукнул ладонью по столу и все от неожиданности подпрыгнули на своих стульях.

– Перед ней преступник, посягнувший на государство, а она – дайте улики.

– Вешать надо! Война идет – с такими надо по законам военного времени разбираться.

– Я вообще считаю, господа, а даже не считаю, а уверен, что то, что сейчас происходит – это есть попытка переустройства всего мира.

– Представьте, господа, мне, генералу Российской армии, пытались какие-то прыщи предложить вступить в некий всемирный орден.

– Обещали мне жить вечно в опустошенной стране, по вине ими же развязанной мировой войны!

– И что говорили! Победит Германия, или нет-это не важно. Важно, что несколько миллионов погибнут, и не будут требовать земли, хлеба и всего остального.

– А орден, в который меня позвали, будет жить в прекрасном мире и править оставшимися в живых. Людей будет меньше, все выжившие будут рабы, а мы, члены ордена избранных, будем жить с наслаждениями!

– Все рассчитано, обо всем в Европе и других территориях договорились.

– Одна Россия, как всегда, осталась верной своему долгу! Одна Россия не согласилась.

– И решили убить Россию с помощью этих негодяев.

- И вот, получите, будьте так любезны!
- Нет царя, нас скоро тоже может не быть, и они восторжествуют.
- Ура! Свобода!»
- Генерал, простите еще раз, спасибо за столь блестящий рассказ о Ленине и большевиках – вновь прервал генерала батюшка.
- Не совсем понятно, что это за орден избранных, и какие цели у него? Я так понимаю, что это суть – некоторое объединение международных толстосумов и авантюристов?
- Ведь целью всех войн было всегда порабощение новых земель и сбор дани, то есть, нажива и укрепления победившего государства за счет проигравших войну.
- То есть – «золотой телец».
- В начале человеческого бытия это – товары, скот, меха, ракушки, соль, рабы, потом металлы – железо, медь, бронза, а потом, уже до наших дней – драгоценные металлы.
- И это понятно, поскольку золото и серебро являются, во-первых, редкими благами и, поэтому, одинаково высоко ценятся во всем мире. Во-вторых, золото не подвержено порче, так как не окисляется. В-третьих, из-за портативности драгоценных металлов, то есть высокой стоимости в небольшом объеме, однородности, экономической делимости, стабильности.
- А теперь, если судить по вашим словам, появляются еще и другие цели войны.
- Что же может сподвигнуть власть имущих на ведение войны, какой еще порок заложен в них, кроме властолюбия и сребролюбия?
- Просветите, генерал, нас, неразумных.
- Я Вам отвечу, батюшка. Возможно, мой ответ будет видаться, как результат нездорового сознания или сюжет фантастического романа. Но это так! – не задумываясь, ответил генерал.
- Золото ничто по сравнению с вечной жизнью в мире, построенном по собственному образцу, и есть только способ достижения этой цели.
- Вот это цель! Вечная жизнь по собственному хотению! Для начала надо сделать этот безумный мир малонаселенным, с необходимым количеством рабов, комфортным для проживания.
- А уж потом собственную жизнь – вечной.
- Вы же все, господа, знаете о попытках изобретения философского камня, поисках Грааля, помните об египетских гробницах, в которых сохранялись тела фараонов для воскрешения в будущем.
- Все это – попытки приобрести вечную жизнь.
- Здесь и сейчас – на Земле при этой еще жизни.
- Это может показаться невероятным, но поверьте мне, развитие техники происходит столь стремительно, что вещи, кажущиеся еще сегодня невероятными, уже завтра становятся обычными в быту предметами.
- К примеру – телефон, телеграф. Про них еще несколько десятков лет говорили только в сказках, а сегодня без них многие и жизнь свою не представляют.
- Или возьмите автомобиль, самолет, чье «сердце» есть двигатель внутреннего сгорания.
- Совсем еще недавно по масштабам истории, в 1776 году, молодой ученый Александро Вольта сделал газовый игрушечный пистолет, в стволе которого при помощи электрической искры взрывалась смесь воздуха с водородом. В результате взрыва из ствола выталкивалась пробка.
- На первый взгляд это не имеет отношения к двигателю внутреннего сгорания, но именно эта игрушка подтолкнула других изобретателей на возможность применения в двигателе внутреннего сгорания газа, как рабочего тела, и возможность воспламенения газа при помощи электрической искры.

– И уже через три года появляется двигатель Лебона, работающий на искусственном горючем газе, получаемым из дерева или каменного угля. Очень скоро Лебон определил, что смесь газа с воздухом легко взрывается, выделяя при этом большое количество тепла, в результате чего происходит сильное расширение сгоревшей смеси, то есть создаётся необходимое давление, которое можно использовать для получения механической энергии. На основе этого открытия в 1801 году Лебон получил патент, на двигатель, работающий на светильном газе.

– В первой половине 19-го века множество изобретателей пытались создать работающий двигатель внутреннего сгорания, только в Англии за этот период было получено более 200 патентов на двигатель внутреннего сгорания.

– К середине 19-го века идея создания двигателя внутреннего сгорания висела в воздухе. Многие изобретатели в разных странах создавали опытные конструкции двигателей, работающих на смеси водорода и воздуха, на светильном газе, на угольной пыли и даже на жидком топливе, используя для этого различные горючие жидкости.

– Но создать практически работающий двигатель внутреннего сгорания, работающей на светильном газе, и первым наладить его коммерческое производство удалось только бельгийскому инженеру Этьену Ленуару в 1860 году.

– В 1863 году Ленуар модернизировал свой двигатель. Модернизированный двигатель работал не на газовом топливе, а на керосине, для работы на керосине на двигатель был установлен примитивный карбюратор. Этот двигатель Ленуар установил на простейшую повозку, на которой проехал более 50 километров.

– И с этого момента началась новая эра технологического развития мира.

– Керосин, мазут получают из нефти. Весь флот, переходит с угля на продукты перегонки нефти.

– Теперь наличие нефти у государства – есть залог сильной армии. Танки, самолеты, военные корабли, автомобили, все они нуждаются в керосине и мазуте.

– Сразу возникают гигантские экономические и геополитические проблемы, связанные с ощутимой нехваткой и неравномерным распределением нефти на планете.

– И все из-за игрушечного газового пистолетика, изобретение которого в скором будущем перевернет мир и приведет к новым войнам.

– Но это опять некий вариант «золотого» тельца.

– А представьте себе, что уже есть неизвестный никому изобретатель, который случайно открыл или скоро откроет тайну вечной жизни. Этот товар, поверьте, господа, никогда не станет достоянием общественности. За него готовы будут отдать все, уничтожить все институты власти, церковь, поступиться всеми правилами проживания людей на земле. Обладающие этими знаниями и инструментом станут новыми богами, раздающими жизнь вечную по своему усмотрению.

– Удел остальных – рабство и мечтание.

– Вот в такой клуб мне и предложили вступить и цена членства в клубе – предательство Родины.

– И это они, именно они, которые из этого самого ордена, притащили к нам врагов Отечества, всякую шваль – «лениных и троцких», задача которых – уничтожить Россию, перевернуть ее так, чтобы она, как при татаро-монголах, не очухалась бы лет, эдак, двести.

– А за это время ограбить, утащить все, одурманить так, чтобы последний крестьянин забыл, что его деревня в России стоит.

– Вот и сейчас эта скотина – Ленин, – простите за резкость, – якобы нелегально прибыл в Петроград, где не скрываясь ведет подготовку восстания.

– Непосредственный организатор восстания Лев Троцкий.

– С этим именем я столкнулся впервые в конце 1914 года, статейка мне его случайно попала на глаза, называлась «Две армии». Очень грамотно, кстати написана. Особенно

о прусском офицерском корпусе, на котором держится вся организация немецкой армии. Запомнилось выражение Бисмарка, которое приводит этот автор в конце своей статьи: «Они многое могут сделать у себя по нашему образцу, но прусского лейтенанта им не сделать никогда!»

– Может и так, история нас рассудит.

– Извините, господа, опять отвлекся.

– А что власти думают по поводу большевистского вооруженного восстания? – спросил Андрей.

– Да нет ее у нас сейчас. Царя нет, и власти нет. Помяните мои слова, такое наплевательское отношение к явным врагам Отечества выйдет им самым боком. Да, что они, Россию жаль! – с горстью произнес Юденич.

Настроение у всех, сидящих за столом, стало подавленным, если не сказать паническим.

Все молчали, пораженные рассказом Юденича.

Первым нарушил тишину батюшка, он даже не попытался поспорить с генералом.

Наоборот, он начал развивать тему несколько с другой стороны.

Но от этого стало еще хуже!

Глава 11. Батюшка об Антихристе

– Страшные вещи рассказываете, генерал – но я поведаю еще о более страшных! – помолчал немного и снова заговорил отец Михаил, когда молчание стало совсем тягостным.

– А ведь все это, други моя, похоже на пришествие антихриста!

– Не того с рогами, каким его многие представляют. А настоящего антихриста, целью прихода которого является полное переустройство мира.

– Я читал произведения многих авторов – классиков и современников и все они говорят примерно одно и то же. Описание времени и обстоятельств начала этого пришествия полностью совпадает с обстановкой сегодняшних дней.

– Крушение монархического строя с его православной церковностью ведет нас прямой дорогой к господству сатанинской стихии, предсказанной в Апокалипсисе.

– В 1900 году мне попалась книжка нашего известного философа Владимира Соловьева «Три разговора». В последней из частей этой книги автор, не принятый, кстати, нашей церковью, рассуждает и одновременно опасается появления антихриста, способного подменить христианскую идеологию некоей новой идеологией, которая будет выглядеть привлекательнее и даже справедливее, чем христианская.

– То, что Вы, Николай Николаевич – батюшка прикоснулся к руке Юденича, как бы приглашая того в союзники при разговоре – говорили о Ленине и идеологии его социал-демократической партии, точным образом соотносится с привлекательной идеологией антихриста.

– И Ленин – безусловно, его слуга!

– Если я правильно понял Ваш рассказ о нем, из всех политиканов, выползших в наше смутное время из своих щелей, он единственный способен осветить неожиданным светом надежды этот клубок разных политических программ и противоречий. Потому что он предлагает толпе вещи привлекательные и понятные. И толпа может пойти за ним и пойдет, поскольку он освобождает ее от оков христианского добра. Не сегодня – завтра он объявит сегодняшнее добро злом, а свое зло обратит в головах черни в добро и всенепременно обратит его в сторону сегодняшней государственности, церкви и культуры.

– Сдается мне, что и сам он полон непримиримой ненависти к людям духовным, умным, преданным Родине и церкви, и будет к ним беспощаден.

– Люди благородные не будут востребованы в его мире ни при каких обстоятельствах, даже если по разным причинам предадут свои убеждения и решатся служить антихристу.

– Боюсь, именно России выпадет горькая доля явить этого антихриста XX века, первый образ которого был предсказан устами нашего соотечественника К. Н. Леонтьева еще в прошлом веке: «Подобно евреям, не ожидавшим, что из недр их выйдет Учитель Новой Веры, и мы, неожиданно, лет через 100 каких-нибудь, из наших государственных недр, сперва бессловных, а потом бесцерковных или уже слабо церковных – родим того самого антихриста...» – говорил он.

– Еще в Евангелии было сказано – продолжил батюшка: «Восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам...»

Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое; и тогда соблазнятся многие, и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга; и многие лжепророки восстанут, и прельстят многих. Восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных».

И этих лжепророков будет немало, в истории еще никому не удалось найти или создать своего национального Христа, зато национальных антихристов было предостаточно, ибо антихрист многолик, как и порождающее его зло.

Добро не имеет национальных форм, зато злое начало нации выражает себя в разных, но всегда жесточайших формах».

– Отец, – впервые за время общения подала голос матушка – да надо ли столько говорить об антихристе? Притомил ты, небось, гостюшек наших? Давайте-ка чайку лучше попьем с баранками, вон и самовар готов.

– Нет-нет, благодарствуйте, матушка, я лично сыт. Мне очень интересна точка зрения штатского, тем более церковного человека, на наше сегодняшнее военное время и предсказания на ближайшее будущее – выразил мнение всех присутствующих генерал Юденич.

– Прошу Вас, отец Михаил, продолжайте – с нетерпением попросил Юденич.

– Ну, что же, генерал, я продолжу и попробую быть немногословным, хоть это и нелегко при обсуждении будущего нашей Родины – с готовностью согласился батюшка.

На улице потемнело, зажгли свечи. Их невнятное подрагивающее свечение придавало рассказу батюшки особую мистическую зловещность – если листать священные тексты и сочинения философов разных времен, то можно определить основные этапы деятельности антихристов: в стране осуществляется захват власти и установление деспотии. Уничтожается христианство, для чего создается идеология с использованием христианских понятий, наполненных противоположными смыслами.

– После укрепления власти деспот устремляется к мировому господству – батюшка в возбуждении перемещался по комнате, останавливаясь то у одного, то у другого слушателя.

– Почему надо захватывать власть, а не действовать, к примеру, тайным образом? – спросите вы.

– Ответу: «Сдерживая внешние проявления зла, препятствуя аду овладеть вселенной, наше государство тем самым в настоящий, переходный момент, так, или иначе, служит делу Христову.

– Антихрист отрицает государство до тех пор, пока оно ценно для добра, и боготворит его с того момента, когда государство утрачивает эту ценность.

– Поэтому Ленину именно сейчас необходим переход от нынешней безгосударственности к империализму царства антихриста.

– Да, он нерукопожатен, его серьезно не воспринимают личности мыслящие и благородные.

– А это значит – захватить власть он может только посредством бунта самых низших и эксплуатируемых слоев общества.

Святой Ириней Лионский указывал еще во втором веке: «Антихрист представляет вид, будто бы мстит за угнетенных».

– Восстание масс предсказать в данной ситуации можно почти безусловно, иначе врагам России не устранить механизм, способный гуманизировать общество.

– Когда обрушится старый социальный фундамент и будут уничтожены сословные права, то воцарится хаос и всеобщее бесправие, так необходимые антихристу для получения всей полноты власти и установления новой вертикали всеобщего тоталитарного подчинения.

– Хочу заметить, что, если будет уничтожаться церковь, она будет уничтожаться не только в России, но и во всем мире, как хранительница буржуазных ценностей и понятий.

– Все, кроме самых угнетаемых сегодня, будут объявлены врагами, а себя они провозгласят носителями высшей истины и справедливости.

– И тут возникает следующее обстоятельство, которое должен преодолеть антихрист – его идеология и его образ должны выглядеть справедливее и привлекательнее, нежели христианские смыслы и образ Сына Божия и Самого Бога.

Тот же Святой Ириней писал: «Из того, что будет при антихристе, видно, что он, будучи отступник и разбойник, хочет, чтобы поклонялись ему как Богу, и, будучи раб, хочет, чтобы его провозглашали царем».

– Облик вождя в сознании масс в течение короткого времени должен стать равновеликим образу Христа.

– Из Вашего, генерал, рассказа о Ленине мы поняли, что подобными чертами Ленин обладает.

– В тюрьме сидел, и в ссылке в Сибири был, страдал за народ – почти Емельян Пугачев или Стенька Разин. Хотя дворянин, но бедный, брат повешен опять же по приказу царя.

– Ленин, как Христос во имя Отца Своего, пришел не во имя свое, а во имя Маркса.

– А дальше ему можно фантазировать...

– Всего-то, нужно к хорошим словам и понятиям добавлять понемногу и незаметно смысл изменится в сторону идеологии новых правителей.

– К примеру, идею гуманизма надо представить воинствующим гуманизмом, а идею демократии, как Вы там Николай Николаевич, сказали давеча, демократическим централизмом, если не ошибаюсь.

– Понятия вроде бы те же, а смысл противоположный.

– Далее представление о Царстве Небесном заменяется сказочкой о грядущем бесклассовом гармоничном обществе.

– Церковь заменяется социал-демократической партией. Свои пророки у них уже есть – Маркс и Энгельс, появятся вскоре и свои мученики, святые, обряды и молитвы. И даже еретики, впрочем, Вы говорили, что они уже есть – я вспомнил про раскол в их партии.

– И, наконец, последнее – антихрист должен быть по сути своей националистом, но националистом, стремящимся к мировому господству не только с помощью силы оружия, но и с помощью силы обольщения.

– И именно здесь у большевиков должна появиться самая изощренная возможность манипулирования мировым мнением.

– И эта возможность у них безусловно будет, нищих и сирых во всем мире не меньше нашего!

– Разумеется, вы можете спорить со мной и говорить, что, де ни у кого этот Ленин, или другой ему подобный симпатии вызвать не может.

Что это нелепо, ибо хам обольстить никого не может, а самое главное – хам и бандит не могут восприниматься как носители «добра и правды».

– Увы, нам, грешным! – многие умные люди, предчувствующие появление антихриста – и Ницше, и Соловьев, и Достоевский, да и многие другие говорят о неизбежности его появления.

– Есть это и в поэме «Петербург» Андрея Белого, и в трилогии Мережковского «Христос и Антихрист», и у Андрея Белого, и у Константина Бальмонта.

– Я сейчас прочитаю Вам для примера страшное, по моему разумению, поэтическое сочинение модного ныне поэта Александра Блока, помеченное мартом 1903 года, из его сборника «Распутня», где облик антихриста явлен поэтически весьма отчетливо.

– Мне показалось, что сей опус написан в русле наших общих тревог и предчувствий.

– Зачитаю стихотворение почти целиком, оно небольшое.

– Ванюша, подай, дружок, с полки маленькую зеленую книжицу из второго ряда.

Пошуршав страницами книжки батюшка прочитал:

Всё ли спокойно в народе?

Нет. Император убит.

Кто-то о новой свободе

На площадях говорит.

Кто же поставлен у власти?

Власти не хочет народ.
Дремлют гражданские страсти:
Слышно, что кто-то идет.

Кто ж он, народный смиритель?
Темен, и зол, и свиреп:
Инок у входа в обитель
Видел его – и ослеп.

Он к неизведанным безднам
Гонит людей, как стада...
Посохом гонит железным...
Боже! Бежим от Суда!

Александр Блок

– Вот на этой, как говорится, невеселой ноте я предлагаю закончить наши измышления о будущем царстве антихриста, не дай, Бог, нам всем этого несчастья, конечно.

– Будем молиться, чтобы не случилось этой катастрофы в стране нашей многострадальной.

– Будем уповать на единого Господа нашего и на вас – воинов христианских.

– Давайте, и, взаправду, господа, выпьем чайку, да поговорим о вещах более приятных.

Меня эта тема, страшная по своей сути, несколько утомила.

– Варвара Яковлевна, голубушка, соблаговолите распорядиться начет самовара.

– Ванюша, а ты, сынок, помоги матушке, – все забежали, засуетились, но тщетно.

Выпить чайку в этот вечер не случилось. Встречу прервал вошедший ординарец.

Извинился, отозвал Юденича в сторону и о чем-то доложил.

Юденич, отпустив ординарца, подошел к столу, имея вид встревоженный и решительный.

Он внутренне подтянулся, как перед очередным сражением, лицо его стало каменным.

– Господа, прошу простить меня, обстоятельства требуют немедленного моего отсутствия. Правду молвят – не поминай черта всуе, стоило только поговорить о нем – и случается худшее.

– Мне сообщили – Временное правительство низложено и арестовано. Большевики во главе с Лениным взяли власть. Уже начался террор. Честных людей расстреливают без суда и следствия.

– Надо действовать, хотя, может быть, уже и поздно.

– Простите, отец Михаил, я должен на прощание сказать несколько частных слов Андрею Михайловичу.

– Еще раз простите и прощайте.

– Молитесь, батюшка о нас и о нашем Отечестве.

– Честь имею!

– С Богом, генерал – напутствовал батюшка.

Глава 12. Антихрист начинает...

В комфортабельной обстановке пустого вагона «военно-передвижного фронтового литературного поезда имени Ленина» грезил в ночных кошмарах серый комок жалкого трясущегося человечешки. Колеса бронепоезда, размеренно отстукивая, отбрасывали в небытие маленькие кусочки отпущенного ему жизненного пути.

Один и тот же кошмар преследовал его каждую ночь. Нет, не картинами убиенных им людей, общий счет которых исчислялся уже миллионами.

Казни других стали не только привычны, но и доставляли некоторое удовольствие, как доставляет удовольствие хорошо выполненная работа на пути достижения к большой цели.

Люди были для него отбросами, безликими цифрами – единицами, десятками, тысячами, сотнями тысяч, посредством которых удовлетворялись его желания, без которых не добиться того, к чему стремился.

Массой, одним словом.

Массой, готовой в страхе подчиняться ему и над которой он возвышался уже сейчас, как повелитель – мог делать все, что хотел, не опасаясь наказания.

Но не повелителем желал он быть, а Мессией, Богом для всех живущих.

Вторым по счету еврейским Богом – место первого временно занято!

От прихода ночных кошмаров не удавалось избавиться никакими средствами. Ужас возвращался к нему каждую ночь!

Не важно – в каком состоянии накрывал его сон.

Алкоголь, наркотики, женщины, невероятная усталость...

Все пробовал – бесполезно!

Кошмар приходил вначале тихой, а затем усиливающейся жуткой мелодией и уходил только после пробуждения.

Он слушал эту ужасную музыку, представляя себя десятилетним мальчиком.

Не Львом Давидовичем Троцким, как называли его сейчас, а собой маленьким еще, когда его звали Лейба Бронштейн.

По мере звучания мелодии мальчик Лейба уменьшался в размерах и превращался в куклу, которую в конце сна под финальный аккорд невидимого оркестра или ломало в своей огромной волосатой руке некое чудище, или затягивало в зловонное болото, или живым засыпало в яме, или некие чудища сбрасывали его с высокой скалы.

Случались и другие фатальные исходы, но мелодия была всегда одна и та же.

Днем он старался не думать о ночных видениях, но в последнее время мелодия преследовала его и в короткие минуты дневного покоя.

В наказании за сотворенное зло днем, ночи затягивали Троцкого в прижизненный ад.

В коротких перерывах звучания музыки неизвестный Голос призывал остановиться, изменить жизнь.

И мальчик Лейба соглашался и умолял неизвестного исполнителя музыки простить его, обещая забыть о своих устремлениях.

Днем же Лев Троцкий продолжал свои злодеяния на пути к уничтожению и порабощению Массы.

Цель он себе наметил неземную – роль правителя страны или даже мира его не устраивала.

Он никогда не стремился стать представителем Бога, он решил стать самим Богом!

Будучи в душе своей рабом, имея долгий опыт заискивания и приспособленчества, он уже достиг того, что ему подчинялись, как царю.

Будучи предателем и преступником с юношеского возраста, он хотел, чтобы ему поклонялись, как Богу!

Неважно, что в истории человечества никому пока не удалось создать своего национального Бога, помимо евангельского.

Он будет первым!

И пусть придется пройти первый этап и стать вначале хоть бы и национальным Антихристом!

Это удавалось некоторым даже в этой стране – Ивану Грозному, к примеру.

Пусть!

Но главным и единственным!

Для этого придется попотеть и «стереть в порошок» сегодняшних соратников – претендентов на звание «Национальный Антихрист».

Прежде всего – этого маразматика – Ленина, и, на всякий случай, этого зануду – Свердлова.

Других претендентов пока не видно.

– Появятся – будем решать проблемы по мере их наступления.

И, дел то...

Надо решить четыре задачи, три из которых уже решаются.

Захватить власть и установить деспотию, чтобы уничтожить всех противников – и белых, и красных... Для этого нужно развязать гражданскую войну на долгие годы, может быть и навсегда. Осуществлять перманентную революцию!

Ну, а с Лениным потом решить кардинально – сделать его святым, почившим внезапно в борьбе за счастье народа, добрым таким «дедушкой Лениным».

Дальше нужно продолжить уничтожение христиан и их религии.

Тем более, что Массы, на удивление с удовольствием уничтожает церковные ценности и служителей.

Верность идее хранят только оставшиеся в живых фанатики.

Их – уничтожить, не оставив даже намека памяти на Земле о них самих, их святых и святынях!

Главная задача для этого – укреплять в головах Массы новую религию.

Похожую на христианскую, и даже лучше христианской, пообещав Массе Рай в ее земной жизни.

Пусть не для ныне живущих, так хотя бы для их внуков.

Или правнуков.

За это каждый из них с радостью пойдет на эшафот.

А со временем Рай можно перенести на более поздний срок или превратить жизнь Массы в кромешный Ад, после чего любое действие или даже обещание действия, покажется Раем.

А вот четвертая задачка сложнее, но интересней – переход от победы «в отдельно взятой стране» к мировому господству, от звания национального Антихриста – к почетному на все времена званию земного Бога.

Нового!

Единого!

Справедливого!

Доброго!

Да, именно таким Богом он станет, поскольку ужасы содеянного забудутся быстро, и останется только внушать Массе понятия: «Что такое – хорошо, и что такое – плохо?»

И предстать во всем своем великолепии и блеске.

«Богом в обличье человека, одушевленного благороднейшими идеалами и умеющего проводить их в жизнь в заманчивых и этически безупречных формах»¹.

И тогда уж можно будет рассчитаться «по – полной» и с врагами, и с друзьями.

Впрочем, друзей в бизнесе и политике нет и быть не может, а с временными соратниками и с оставшимися в живых противниками разберемся легко!

Но, как говорится в этом народе: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги...».

На то, чтобы взять власть, ушли десятилетия лучших годов жизни, и задача до сих пор не решена полностью – безраздельной власти пока нет.

Годы уходят, а задача не решена.

Он иногда сожалел, что ввязался в эту авантюру.

Даже вспомнить не мог, когда было принято решение идти в революцию?

Почему он не ограничился свалившимся на него так внезапно, богатством?

Зачем нужна борьба, когда можно было прожить тихо и безбедно, наслаждаясь земными удовольствиями?

Зачем уничтожать людей? Разве его кто обидел? Да никто!

Детские годы прошли в сравнительном достатке, семья была не из бедных. Сын зажиточного землевладельца – Троцкий – Бронштейн принадлежал скорее к привилегированным, чем к угнетенным.

В Яновке Херсонской области, где он родился и вырос, жили только евреи, про гонения и погромы никто и «слухом не слыхивал».

Школьные годы прошли тоже без бед. Существующая десятипроцентная норма для еврейских детей была преодолена легко, хотя на вступительных экзаменах Лейба получил тройку по русскому и четыре – по арифметике, чего было явно недостаточно.

Решено было поместить его в подготовительный класс, который состоял при казенном училище в качестве частной школы, а откуда уже евреев переводили в первый класс хоть и по «норме», но с преимуществом над экстернами.

Ну, и взятку пришлось дать, конечно, куда без этого.

«Религиозности в родительской семье не было. Отец не верил в бога с молодых лет и в более поздние годы говорил об этом открыто при матери и детях. Мать предпочитала обходить этот вопрос, а в подходящих случаях поднимала глаза к небесам.»²

Но, даже, если бы религиозность и присутствовала...

Гонений на иудейскую веру не было. Преподавание «закона божьего» в реальном училище производилось по принадлежности: православным священником, протестантским пастором, католическим пастором и еврейским законоучителем.

В учебе Лева был первым, на большом расстоянии от второго, и именно тогда он понял, что может стать более других. Его верховенство признавали, и это сказалось на становлении характера.

Потребности иметь хоть какие-то политические взгляды в школьные годы не было, а вот восторженная идеализация заграницы – Западной Европы и Америки, присутствовала.

Воображение рисовало идеальную картину всеохватывающей мировой культуры. Казалось невероятным, чтобы в Европе могли существовать суеверия, что церковь играет там большую роль.

Может быть, решение было принято после смерти в 1894 году Александра III, когда в ответ на ожидание перемен новый молодой царь назвал конституционные надежды «бессмысленными мечтаниями»?

Когда надежды на постепенное приближение к передовой Европе рухнули?

¹ Аскольдов С. А. Религиозный смысл русской революции. В кн.: Вехи. Из глубины. с. 245—246.

² Здесь и далее описание детства и юношества по книге Л. Д. Троцкого «Моя жизнь».

Или, может быть, в результате юношеского восторга от прочитанной в «Русских ведомостях» фразы молодого галицийского революционера Дашинского, небрежно бросившего вошедшим в здание парламента полицейским: «Я представитель 30 000 рабочих и крестьян Галиции, кто смеет ко мне прикоснуться?»

От упоительной возможности повелевать судьбами многих людей и использовать их по своему усмотрению?

Нет, юношеские годы были только счастливыми годами наивного революционного романтизма, перемешанного с ненаказуемым авантюризмом! О какой-то борьбе с режимом и не думалось.

Так, баловство одно, ребячество...

Первая тюрьма в 19 лет, первая ссылка в 1900...

Романтика!

Река Лена была великим водным путем ссылки.

Великолепная природа, чистый воздух, отличное питание!

Связь между ссылками не прерывалась – обменивались письмами, выраставшими в теоретические трактаты.

Переводы с места на место разрешались иркутским губернатором легко.

Личные драмы и даже самоубийства случались только на почве романических конфликтов.

Работали по желанию, он служил короткое время конторщиком у «мехового» купца-миллионера, от которого ушел, пойманный на воровстве, и после стал оплачиваемым корреспондентом в легальной иркутской газете «Восточное обозрение».

Так прошло два года беспечной жизни четы Троцких.

За это время родились две девочки, младшей шел только четвертый месяц.

Но тянуло в цивилизацию, в эмиграцию, в вожденную просвещенную Европу!

Да вот беда – в среде ссыльных устанавливали очереди на побег!

Удалось договориться и найти устроивший всех вариант – он бежит вдвоем с одной ссыльной, без сожаления бросив в Сибири семью.

К ним он больше не вернется.

В течение долгого времени супруга будет успешно маскировать отсутствие мужа от полиции.

Для нее наступит время второй ссылки.

Такой вот революционный авантюризм...

А муженек без приключений сядет в вагон 1 класса, куда его иркутские друзья доставят чемодан с крахмальным бельем и галстуком. И томиком Гомера в русских гекзаметрах³ Гнедича, чтобы не скучно было ехать.

И паспорт на фамилию Троцкого.

Фамилию он выбирал сам – так звали одного из надзирателей в одесской тюрьме, способного держать в руках не только «всю тысячную толпу уголовников, не привыкших к подчинению и послушанию. Его боялся даже сам начальник тюрьмы...

Такая сильная авторитетная личность, несомненно, оказала глубокое подсознательное влияние на Лейбу Бронштейна⁴.

Небольшая передышка в Самаре в местном отделении газеты «Искра», руководимой Кржижановским, который, снабдив деньгами на дорогу и необходимыми указаниями для перехода австрийской границы у Каменец-Подольска, благословит его на поездку к своему шефу – Ульянову-Ленину.

³ Стихотворный размер, состоящий из 6 стоп.

⁴ Г. А. Зив «Троцкий – Характеристика по личным воспоминаниям».

В Лондон – через Вену, Цюрих и Париж.

Такая вот революционная романтика...

Первая эмиграция, бесконечные дебаты, рефераты, политическая «мышинная» возня...

Это была не борьба, а только возможность закрепиться в среде, показать свою полезность, примкнуть к сильным мира сего, «продать» себя подороже.

И, главное – понравиться тем, которые финансируют этот процесс натаскивания «молдых бультерьеров», чтобы в нужный момент бросать их по своему усмотрению в бой.

А кому продаваться, знали все социалисты.

В Европе им охотно платили немцы, но истинной удачей считалось попасть под покровительство финансовых и деловых структур США, где доминировали два объединения: предприятие Рокфеллера «Стандарт Ойл» и промышленный комплекс Моргана.

Союзы трестов Рокфеллера и Моргана главенствовали не только на Уолл-стрит, но, и через взаимосвязанных директоров, почти во всей экономике мира.⁵

Рокфеллер монополизировал нефтяную и медную отрасли промышленности, имел трест плавильных предприятий и гигантский табачный трест, а также имел влияние в некоторых владениях Моргана, таких как корпорация «Ю. С. Стал».

В сотнях более мелких промышленных трестов, в общественных службах, на железных дорогах и в банковских учреждениях, к примеру «Нэшнл Сити Бэнк», «Юнайтед Стейтс Траст Компани», «Гановер Нэшнл Бэнк».

Морган главенствовал в сталелитейной, судоходной и электротехнической промышленности. Они включали в себя «Дженерал Электрик», резиновый трест и железные дороги.

Как и Рокфеллер, Морган контролировал финансовые корпорации: «Нэшнл Бэнк оф Коммерс» и «Чейз Нэшнл Бэнк», «Нью-Йорк Лайф Иншуренс» и «Гаранта Траст Компани».

Поначалу Лев Троцкий проигрывал бывалым социалистам, знаний было маловато.

И образования никакого, в отличие от Ленина, например.

Тот хоть в университете учился, пока не исключили.

Зато амбиций у него было – «выше крыши»! Он был не из тех, кто учится, а из тех, кто учит.

Он такой родился – это черта характера.

Чувства любви, симпатии, сочувствия к людям у него отсутствовали напрочь – это тоже черта характера!

И удача сопутствует ему – он получает ускорение по жизни – будучи женатым и имея двух дочерей, не разведясь с первой женой, он повторно в 1902 году удачно женится на родственнице банкира Абрама Животовского – Наталье Седовой.⁶

Наличие сразу двух жен его не смущало – такие люди, как он, не чтут и не соблюдают законов – они их пишут для других.

Они не читатели – они писатели!

И это тоже врожденная черта характера!

Через свою вторую жену он получает выход на банкирский дом Ротшильдов, и вот «в период своего пребывания в Вене он уже имеет обыкновение играть с бароном Ротшильдом в шахматы в «Cafe' Central».⁷

⁵ John Moody. The Truth about the Trusts (New York: Moody Publishing. 1904

⁶ Абрама Животовского – дядю Льва Троцкого, отца его второй жены и родственника Льва Каменева в будущем назовут «Большевицкий банкир» — автор.

⁷ Джозеф Недава «Троцкий и евреи».

В знаменитом кафе, где собираются представители политики, культуры и бизнеса Вены, и где он – постоянный клиент во время своей первой эмиграции с октября 1907 и до начала войны.

А значит он теперь уже не посторонний – не станет же барон Ротшильд играть с посторонним человеком в шахматы!

И сделала это для него Наталья Седова, благодаря которой его заметили и не оттолкнули.

И его заслуга, конечно, есть – ум, «легкое перо», мастерство оратора, этого не отнять!

Но таких в среде социалистов, «как собак нерезаных».

А выберут его! «Как не порадовать родному человечку...».⁸

И вот он наступил – этот долгожданный день, этот час «Х», ради которого стоило родиться на этом свете!

Этот день станет днем рождения нового русского Антихриста, скрывающегося за маской борца за свободу и справедливость простого русского народа, которая чуть позже в одночасье превратится в Массу.

С этого дня революционер Лейба Бронштейн – Троцкий станет вождем пролетариата, который Лейбу об этом не просил и пока об этом не знает.

В этот день, во время очередной шахматной партии, Джон Рокфеллер показал ему обложку книги с изображением бородатого счастливого Карла Маркса, который стоит на Уолл-стрит, украшенной красными знаменами, с книгой «Капитал» под мышкой и принимает поздравления от финансовых воротил – Дж. П. Моргана, его партнера Джорджа У. Перкинса, самого Джона Д. Рокфеллера, Джона Д. Райана из «Нэшнл Сити Бэнк» и Тедди Рузвельта.

Окружающая главных персонажей ликующая толпа и взлетающие в воздух шляпы показывают, что Карл Маркс – свой среди финансистов Нью-Йорка.

– Не удивляйтесь, Лейба – сказал тогда Рокфеллер – только так называемая общественность болтает о том, что между нами – финансистами Уолл-стрита, и вами – социалистами, неважно какими – национал-социалистами, или интернационал-социалистами, не может быть ничего общего. И что мы – непримиримые враги.

– Чушь!

– Но мы будем пока всячески поддерживать это заблуждение. Массы должны пока видеть в работодателе врага, а в революционере – избавителя от рабства – Рокфеллер взял с доски фигуру пешки, внимательно на нее посмотрел и поставил на место.

– Неинтересная партия, предлагаю ничью. Давайте сегодня просто побеседуем. Поверьте, вы не будете разочарованы – Рокфеллер не ожидал ответа – он привык, что с ним все и всегда соглашаются.

Троцкий молча кивнул в знак согласия и замер в ожидании долгожданного предложения от самого влиятельного в мире капиталиста.

– Вот он, этот звездный час! Сейчас или никогда! – внутренний восторг распирает грудь, и трудно было сохранить видимость хотя бы внешнего спокойствия.

Рокфеллер сделал вид, что не заметил перемены в поведении Троцкого и, невозмутимо отхлебнув кофе из маленькой чашки, продолжил: «У нас с вами очень много общего и цели наши совпадают» – движением указательного пальца правой руки он пресек попытку собеседника возразить.

– Во-первых – продолжил он – наши, якобы, крайние фланги традиционного политического спектра являются абсолютными коллективистами.

– Во-вторых, и мы, и вы стремимся к монополизму.

⁸ А. С. Грибоедов «Горе от ума».

– Вы пытаетесь насаждать тоталитарные политико-экономические системы, основанные на неограниченной власти и принуждении индивидуума, и добиваетесь монопольного контроля над каждым членом общества.

– Наша цель такая же – во всяком случае, так считаем я и мой коллега Дж. П. Морган – коллективизм в жизни и монополизм в промышленности.

– Эту стратегию монополизма лучше остальных очень точно сформулировал в 1906 году некто Фредерик К. Хоув в своей книжке «Признания монополиста».

– Я помню цитату на память: «Существуют правила большого бизнеса. Они заменяют поучения наших родителей и сводятся к простой формуле: получи монополию, заставь общество работать на тебя и помни, что лучшим видом бизнеса является политика. Ибо законодательная дотация, франшиза, субсидия или освобождение от налогов стоят больше, чем месторождение в Кимберли или Комстоке, так как первые не требуют для своего использования ни умственного, ни физического труда».⁹

– Наша задача заключается в том, чтобы «пойти в политику» и заставить общество работать на нас – монополистов, под вывеской общественного блага и общественных ценностей.

– А понятия общественных благ и ценностей должны сформулировать вы – социалисты!

– В ваших руках – определение степени индивидуальной свободы и степени противостоящего ей централизованного политического контроля. При таком подходе капиталистическое государство всеобщего благосостояния, которое мы строим, и социализм, к которому стремитесь вы, находятся «по одну сторону баррикад».

– Мысли наши мы решили «положить на бумагу» и подготовили в начале этого столетия «План «Марбург».

– Правительства всех без исключения стран Земли по этому плану должны быть социализированы, тогда как конечная власть должна оставаться в руках международных финансистов для контроля за советами и принудительного установления мира, и, таким образом, создания специфического средства от всех политических болезней человечества.¹⁰

– Вот новая формула успеха! – Рокфеллер улыбнулся и, довольный собой откинулся на кресло в ожидании реакции собеседника.

– Да, но как же быть с классиками социализма, Марксом...? – Троцкий выглядел несколько растерянным.

– Представление о том, что капиталисты – заклятые и непреклонные враги марксистов и социалистов мы оставим Карлу Марксу.

– Без этого нельзя – улыбнулся Рокфеллер.

– Для нас же с вами я предлагаю неразрывную, хорошо скрываемую от общественности, взаимосвязь между международными политиками-капиталистами и международными революционерами-социалистами.

К взаимной выгоде.

Эта связь легко останется незамеченной, поскольку все историки, журналисты и прочие «шелкоперы» уверены в невозможности самого существования такой взаимосвязи.

– Чтобы приблизиться к ее разгадке, нужно понимать, что серьезный бизнес не терпит свободы предпринимательства, он стремится к монополизму.

– А с учетом неэффективности централизованного планирования при социалистах, тоталитарное социалистическое государство является прекрасным рынком для его захвата капиталистическими монополиями.

– В пределах избранного круга, конечно.

– И при условии заключения союза с представителями социалистической власти!

⁹ Frederick C. Howe. Confessions of a Monopolist. [Chicago: Public Publishing. 1906], p. 157.

¹⁰ (Ibid., p. 46.)

- Что касается избранного круга...
- Эта группа не является ни большевицкой, ни коммунистической, ни социалистической, ни демократической, ни даже американской.
- Она – интернациональна!
- Эти люди просто хотят спокойно чувствовать себя на захваченных ими международных рынках и своей монополии на мировом рынке, как конечной цели.
- Рынков, которые мы будем эксплуатировать, не опасаясь конкуренции со стороны русских, немцев, американцев, или кого-то еще, за пределами нашего круга.
- Круга, который вместе с его многочисленными банками, аккумулирует крупнейший в истории Действительный Капитал.
- Вы, господин Троцкий, не задумывались, почему этот колоссальный экономический факт существования Действительного Капитала проходит мимо Карла Маркса совершенно незамеченным?
- Может быть, странная слепота Вашего теоретика имеет то же происхождение, что и слепота лидеров и участников всех социальных революций?
- Революций, во время которых грабят и жгут дворцы, церкви, усадьбы, больницы!
- Убивают всех – королей, генералов, полицейских, священников, детей!
- Но на жизнь банкиров никто и никогда не покушается, и крепости банков остаются всегда нетронутыми.
- И это не только мистический ужас, это потому, что за всеми потрясениями стоит этот Действительный Капитал!
- Который создал Интернационал и управляет им!
- Напомню, что руководителем Первого Интернационала был на самом деле Адам Вейсгаупт – глава масонской организации «Иллюминаты».
- Ему приказали создать секретную политическую организацию, которая спровоцирует Французскую революцию и поведёт её далеко, до установления максимального Коммунизма.
- В те героические времена было очень опасно даже упоминать коммунизм, отсюда и вся секретность Иллюминатов.
- Прошло больше ста лет, прежде чем стало безопасно называться коммунистом.
- Про иллюминатов известно все, кроме их связи с первыми Ротшильдами – моими предками.
- Но об этой связи здесь и сейчас я бы не хотел распространяться.
- Скажу только, что Действительный Капитал был сформирован уже тогда, и наши предки были не просто казначеями, но и истинными боссами Первого Коммунизма.
- Кстати, известные люди Первого Интернационала – и Маркс, и Гейне, и Герцен подчинялись непосредственно барону Лайонелу Ротшильду.
- Портрет Лайонела Ротшильда хорошо выписан в литературном произведении премьера-министра Англии того времени Дизраэли под названием «Конигсби» (Coningsby).
- Вспомните, что и Александр Герцен, с его борьбой против России и Карл Маркс, с его борьбой против всего мира, оба жили и работали в Лондоне?
- Кто из финансистов живёт в Лондоне? Само семейство Ротшильдов!
- Это удобно – подчинённые должны всегда находиться под рукой, чтобы вовремя получать инструкции и заработную плату, конечно – любой труд для нашей пользы должен быть оплачен.
- Многие сейчас часто повторяют, что мир сошел с ума.
- Просто так с ума не сходят – этот процесс управляем.
- И он управляем нами! – продолжил Ротшильд, отхлебнув принесенный ему кофе.
- Дело в том, что людской мозг ничем не отличается от мозга людей, живших 200 лет назад.

- Люди не эволюционируют так быстро.
- А что происходит с миром?
- Технологии – транспорт, телеграф, телефон, ускорили время и увеличили человеческую мощь.
- Политические инструменты, которые мы использовали пять или десять лет назад, больше не годятся.
- Сейчас, к примеру, мы находимся в начале запущенного нами процесса быстрой в человеческой истории урбанизации.¹¹
- Лет, эдак, через 50—60, подавляющее большинство людей Земли будут жить в огромных, свыше миллиона жителей, городах.
- Таких городов будет немного – меньше тысячи.
- Даже название для них уже есть – мегаполисы!
- И именно на них будет приходиться 99% экономической активности.
- Оставшаяся территория станет непрестижной для проживания.
- Мы создадим мультигородские корпорации вместо мультинациональных.
- Города начнут чувствовать свою независимость от государств и потребуют свободы.
- И мы, контролируя мегаполисы, сможем разрушать государства и утверждать через мегаполисы свою монополию на всей земле.
- Для этого нам понадобится уничтожить религию, заменив ее обществом потребления.
- Для масс же мы создадим монопольные технологии и убедим их, что именно без наших продуктов, производимых с помощью этих технологий, жизнь потеряет всяческий смысл.
- Всем придется жить с этим.
- Если кому – то все же не понравится капитализм, ему останется только отправиться на Луну.
- Если не нравятся города – пусть живет в деревне. Эта часть населения нам не интересна, она вымрет сама в результате естественного отбора.
- А что такое капитализм?
- Это общество с рыночной экономикой, машина по сортировке вещей на эффективные и неэффективные.
- Вещью может быть что угодно – школа, больница, ресторан, любые компании и продукты, люди.
- Главное – научиться эффективно управлять этой машиной и допускать к ее управлению только людей избранного круга.
- Тогда мы сможем ускорять или замедлять ее работу – давать ей нужную информацию, чтобы она сортировала более жестоко.
- У большинства живущих в головах еще остались пузыри, в которые их учили верить с детства – родители, учителя, правительство, культура, религия...
- Эти пузыри должны лопнуть! Как можно скорее!
- Глупая людская Масса находится в спячке, когда не видит направления движения к счастью.
- Вернее, Массе его просто не указали...
- И не объяснили толком, что это такое – счастье!
- А корабль, который не знает, куда плыть, не имеет попутного ветра!
- А кто покажет Массе это направление?
- Конечно – же, кумир – земной Бог!
- Бог, которому позволяет стать и быть Им, Действительный Капитал.

¹¹ От лат. Urbanus – городской, процесс повышения роли городов в развитии общества, увеличение численности по сравнению с сельским.

– Задача назначенного Бога – используя низкие человеческие желания, заставить Массу жить в обществе, где главное не мораль, религия и патриотизм, а вещи.

– Даже у человечка, роющегося в помойке, все равно какое-никакое барахлишко, да есть – не зверь ведь!

– Не может человек существовать без вещей.

– Не может жить спокойно, если его вещи хуже, чем у соседа.

– В России люди, я слышал, даже поговорку по этому поводу придумали – у нас все, как у людей! То есть – хорошо.

– Вот формула счастья – все как у людей, а еще лучше – пусть у людей будет, как у меня.

– С помощью этой нехитрой формулы легко можно схлопнуть все эти пузыри морали в головах!

– Не сразу, конечно, а постепенно, людей начнут оценивать не по их моральным и деловым качествам, а по качеству и стоимости имеющихся у них вещей.

– Чем дороже и престижнее его вещи, тем больше он будет уважаем в обществе.

– Остальные из всех сил потянутся за «счастливчиками».

– Будут работать, как каторжники, чтобы «было, как у людей».

– Барахло! Вот что станет их главным кумиром.

– Все духовные ценности будут сведены к достижению якобы успеха, критериями которого станет наличие денег, дающих возможность увеличения потребления.

– Работай больше, больше купишь, больше потратишь.

– Не смотри в небо, забудь о Боге, о детях, пусть сами как-нибудь.

– Твоя задача – работать, получать и тратить, тратить, работать и получать и снова тратить!

– Главное, тратить больше, чем сосед, коллега, друг, хотя, какие там друзья при такой жизни тяжелой.

– Все будет забыто – Бог, семья, друзья, Родина, даже брэнность жития человеческого!

– Вещи этого не терпят! Их на всех не хватает, поэтому можно не только заработать, но и отобрать, можно и убить!

– И вот тогда появляются земные Боги и сгоняют массы в полки и армии, воюющие между собой за чужие, то есть наши идеи!

– За вещи!

– Но этого мало – надо превратить людей в «винтики» коллективистских предприятий, лишить их мастерства в индивидуальном деле.

– Сделать не мастерами, а любителями.

– Каждое утро человек должен становиться чуточку глупее, чтобы ни один ученый, ни одна страна, ни одна компания, ни один человек не смогли ничего сделать в одиночку.

– Будь человек президентом США, архитектором, врачом, металлургом, учителем, фотографом....

– И исключить для всех построение планов на свою жизнь.

– Должна действовать «хаотическая система «второго порядка».

– Это как погода – очень трудно предсказать, что будет на следующей неделе.

– То же самое справедливо для акций и курсов валют.

– Планы должны превратиться в африканские танцы дождя – как бы не был красив танец – дождь все равно не пойдет.

– А пойдет он только после повеления избранных!

– А это и есть – так любимая нами, и вами – социалистами, монополия.

– Капитализм и монополия, социализм и монополия – неразделимы!

– Нет монополии – нет денег!

– Нет монополии государства – нет социалистического государства.

– Все, что вам и нам нужно – это создать монополию в головах.

В какой – то момент столь долгого монолога Рокфеллера, сознание Троцкого помутилось. С ним часто подобное случалось, особенно в последнее время.

Лицо его исказили конвульсии от хлестких молний возникающих внезапно пульсаций в правом виске.

Двумя руками он вцепился в стол, ногти и пальцы впились в ткань скатерти.

Явственно и гулко услышал он внутри себя скрипучий Голос, звучащий, будто из подземелья: «Решайся на любые его предложения, я тебе приказываю!

– И ты, и он – мои слуги!».

В следующую минуту лицо вдруг разгладилось, он наклонился вперед и, все еще пребывая в загадочном помутнении, тихо прошептал: «Я донесу им послание, пусть на мне будут грехи всех времен. Во мне истина. Я спаситель нашего времени», – и закончил, открыв глаза: «Я есть Он».

Рокфеллер не заметил, или сделал вид, что не заметил странности в поведении своего собеседника и невозмутимо продолжил: «В ближайшие годы наша прямая цель – русский рынок! Не буду скрывать – меня в этой стране занимают прежде всего вопросы нефтяного бизнеса, а господина Моргана – железные дороги, в первую очередь —Транссиб.

– Но, это к слову...

– Нам очень импонирует то, что Вы, господин Троцкий, утверждаете себя, как интернационалист. Мы отметили Ваши небезытересные интернационалистические связи.

– Очень важно, что Вы выступаете за мировую революцию, за всемирную диктатуру.

– У нас с Вами общая платформа – интернационализм.

– Если в результате революций с помощью международных финансов будет устанавливаться более централизованная власть, всем нам от этого будет только лучше.

– Но, поскольку международные финансы предпочитают иметь дело с законными правительствами, Вас, господин Троцкий, учитывая рекомендации многих уважаемых людей и Ваших родственников, мы приглашаем реализовать наш проект в России.

– Итак?... Решайтесь!

– Извините, временем для Ваших раздумий мы не располагаем.

– Скажите просто: «Да или нет».

– Да, господин Рокфеллер – не раздумывая ответил Троцкий, держась рукой за правый висок.

Это Голос отреагировал на решение диким хохотом, разорвавшим пронзительной болью голову на части.

Но боль внезапно прошла от осознания того, что он только что получил в управление сразу целую страну.

Просто, буднично так, без условий.

О таком он даже не мечтал.

Рокфеллер, поднявшись с кресла, протянул руку, и внимательно взглянул на Троцкого. Уже, как на другого человека, превратившегося с этой минуты в одного из сильных мира сего.

И, будто потеряв к нему интерес, как к одному из своих слуг, на ходу бросил: «Детали с Вами обсудят мои помощники».

Больше в шахматы с Троцким он не играл никогда.

Глава 13. Пророчества Авеля Вещего

Андрей отсутствовал не более четверти часа и за все это время никто не проронил ни слова. По-прежнему, молча сидели за столом, настроение у всех было одинаково подавленное. Будто только что потеряли близкого человека, и эта безвозвратная потеря пока еще воспринимается только умом, а не душою и сердцем. Предвкушение страшного горя и грядущих бед витало в трапезной.

Ванюша еле сдерживался, чтобы не зарыдать в голос, батюшка вздыхал и молился про себя, матушка молча вытирала края глаз платком.

Ждали Андрея и почему-то верили, что с его приходом все вернется на «круги своя», жизнь наладится и станет прежней, счастливой в своей размеренности и патриархальности.

– Вот сейчас – думали – он войдет и скажет, что все решилось, смута закончилась, или все разговоры о ней были чье-то глупой шуткой.

Андрей Михайлович вошел, перекрестился, присел за стол, потер виски руками и обратился к родителям: «Благословите на ратное дело, придется мне опять воевать.

Страшный враг пришел к нам, страшнее не бывало в истории Государства Российского.

– Не иноземный – этот враг понятен нам был всегда, а свой.

– Своих соотечественников убивать мы не приучены, да и нет греха страшнее, чем убивать соотечественников, братьев по вере!

– Но новый враг уже начал свою войну! И теперь нам предстоит воевать на два фронта – с германцами и с большевиками, да еще неизвестно, как нынешние союзники себя поведут. Сдается мне, что эти не упустят случая «половить рыбку в мутной воде».

Матушка тихо заплакала, батюшка нахмурился.

– Во-первых, давай обнимемся, сын мой, по случаю встречи после долгой разлуки. Столько лет не виделись, а брат твой младший, так тот и вообще не помнит тебя.

– Подойди, отрок, обними тоже своего старшего брата.

– Оба теперь подойдите ко мне, под мое отеческое благословление. Обнимите матушку свою, все слезы она по тебе, Андрей, да по Петру выплакала, не чаяла уж дожидаться вас с войны. Ты, слава Создателю, появился, пусть даже ненадолго, а где Петруша наш, офицер геройский? В каких сейчас иноземных краях носит его?

– Молимся, конечно, за здоровье и надеемся на Господа нашего и Пресвятую Богородицу. Обнялись.

Батюшке, как старшему в семье, плакать не полагалось,

Андрей же не смог сдержать слез, тайком вытирая их с лица, матушка всхлипывала и только крепче прижимала к себе сыновей, а Ванюша рыдал в голос.

Никто из них не знал, что совсем скоро, уже сегодня, эти слезы окажутся последними каплями тихого ручейка семейного счастья, который высохнет в одночасье под палящими ветрами войн, революций и всегда бессмысленного и жестокого народного российского бунта.

– Ну, все, давайте присядем. Расскажи подробнее, сын, что происходит, и что ты дальше будешь делать?

– Батюшка, все очень плохо. В Питере большевики во главе с этим самым Лениным Временное Правительство разогнали. Начались аресты, расстреливают невинных людей прямо на улицах. Грабеж идет повсеместный, и, самое страшное, что все это не только бунт черни.

– Это тоже есть, конечно, но основные действия четко контролируются новой властью.

– Диктатура пролетариата началась, о которой Юденич нам только что рассказал.

– Главные враги большевиков – церковь, интеллигенция, дворянство, купечество, зажиточные крестьяне. Остановить эту большевистскую массу некому, армия почти разложена, полиция попяталась.

– Я завтра должен ехать к Николаю Николаевичу, нас пока немного – будем поднимать движение против смутьянов. Думаю, генералу по силам это организовать. Во всяком случае, армия, которая частью еще пока жива, надеется на него и считает, что только Юденич способен остановить нелюдей, в которых превратились простые люди.

– Озверели совсем, вешают, грабят, насилуют!

– Едем в Финляндию, пока еще за границу можно выскочить. Соберемся с силами, вернемся в Петроград, оттуда проще будет действовать.

– Надеюсь, честные люди примкнут к нам, поймут, что с большевиками надо кончать.

– Ну, что же, сын мой...

– Как бывший полковой священник я благословляю тебя на ратный подвиг, буду молить Господа простить тебе грех нарушения обета отказа от оружия.

– Когда Святая Церковь оказывалась в опасности, монахи и священники всегда сражались в первых рядах.

– Вспомните братьев монахов Пересвета и Ослябю, которые первыми приняли геройскую смерть на поле Куликовом.

– Конечно мне, как главе семейства, хотелось, чтобы в годину страшных испытаний мы оставались рядом и защищали себя сообща, но интересы России выше интересов семьи.

– Не будет России, не жить и нам!

– Бежать некуда – здесь наш дом, наша Родина и наш крест! – батюшка украдкой утер глаза.

– Когда ехать то, Андрюшенька – тихо спросила матушка? Надеюсь, хоть деньков несколько побудешь в родном доме.

– Увы, послезавтра к вечеру, маменька. Сейчас собираем офицеров, дворян. Экипировкой занимаются. Пойдем большим отрядом, до двух эскадрон.

– Благословляю тебя, сын мой! Временный уход за пределы Родины и даже бегство – не всегда предательство.

– Сохранение своей жизни ради великой цели освобождения ее от тирана богоугодно.

– Помни только – месть тирану никогда не должна быть местью Родине и народу.

– А теперь послушайте мой рассказ, я не хотел раньше времени кликушествовать, но коли так сложилось, послушайте, это важно.

– Именно сейчас важно!

– Ты, старший мой сын, на сегодня единственный наш защитник и я хочу, чтобы ты не питал иллюзий насчет будущего.

– Ничего уже не вернется назад, трудна будет наша доля.

– Но воевать я тебя «со товарищи» призываю до конца.

– Пути назад у нас нет, и не будет.

– Случится чудо, Бог даст, победа будет за вами, за нами, то бишь.

– Сегодня Евангелие отложено в сторону, беззаконие объявили законом, из греха делают моду. Все идет к развалу, но последнее Слово всегда остается за Богом!

– А нам, грешным, остается только молиться за вас.

– А вам – стоять до конца, до победы или до смерти.

– И жизнь, и смерть – это воссоединение души человека и Бога – в этом суть православия.

– За вами и с вами Россия, Православная церковь, дети, матери, старики.

– Путь к Победе будет длинным и тернистым, и к ней смогут прийти, возможно, даже не сыновья ваши, а внуки или даже правнуки.

– Я расскажу Вам о пророчестве одного провидца и тайне моей книги. Как знать, случится ли нам еще собраться вместе.

– Вот и Петр наш пропал. Ни слуху, ни духу.

– А что завтра будет, только Господь ведает.

– До тебя, Андрей, наверное, доходили разговоры о пророчествах монаха Авеля – спросил батюшка.

– Да, отец, слухи такие ходили среди офицеров, но представлялись сказками.

– А при чем сейчас этот монах в данной ситуации? – недоумевал Андрей.

– А это самая, что ни на есть настоящая быль, хотя и очень похожая на сказание. И имеет непосредственное отношение к сегодняшним скорбным событиям.

– Прошлым, нынешним и будущим.

– Слушайте внимательно и не перебивайте, иначе рассказ и дискуссия растянется до утра, а у нас времени немного – и отец Михаил начал свое повествование.

– В Гатчинском дворце, постоянном местопребывании Императора Павла I, когда он стал наследником, – издалека начал свой рассказ батюшка – в анфиладе одной залы появился пьедестал, на который водрузили довольно большой узорчатый ларец с затейливыми украшениями.

– Ларец был заперт на ключ и опечатан. Вокруг ларца на четырех столбиках, был протянут толстый красный шелковый шнур, преграждавший к нему посторонних.

– Было известно, что в этом ларце хранится нечто, что было положено туда вдовой Павла I – Императрицей Марией Феодоровной.

– Ей, по поручению августейшего супруга, было завещано передать потомкам, что открыть ларец и вынуть хранящееся там только тогда, когда исполнится сто лет со дня кончины Павла I, и притом, только тому, кто в тот год будет занимать Царский Престол в России.

– Павел Петрович скончался в ночь с 11 на 12 марта 1801 года.

– Нашему Государю – Николаю II и выпал жребий вскрыть таинственный ларец.

– В утро 12 марта 1901 года Государь и Государыня были очень оживлены и веселы, собираясь из Царскосельского Александровского дворца ехать в Гатчину вскрывать столетнюю тайну.

– Поехали-то они радостны да веселы, но возвратились печальными, да со слезами на глазах. О том, что обрели они в том ларце, никому ничего не сказали.

– После этой поездки Государь стал изредка поминать среди очень близких ему людей о 1918 годе, как о роковом и для него, и для всей династии Романовых.

– А в ларце том лежала бумага, написанная пророком, монахом – провидцем Авелем.

– Я узнал о нем и о его предсказаниях, которые были в письме, еще в 1905 году. Мне рассказал о содержании письма наш благодетель – Архимандрит Тихон, а ему – отцы монастырей, в которых находился этот самый монах в разные годы.

– Говаривали, что был тот АVELЬ прозорлив, а нравом отличался простейшим, и потому все, что открывалось его духовному оку, он и объявлял во всеуслышание, не заботясь о последствиях.

– Началось все с того, что известно стало о том, что АVELЬ предрек день кончины и обстоятельства смерти Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны.

– Незамедлительно поступил Запрос к настоятелю монастыря.

– А у того разговор короткий – Авеля – в сани и в столицу. А в Питере и разбираться не стали – пророка отправили напрямик в Шлиссельбургскую крепость.

– Когда исполнилось в точности пророчество, и узнал о нем новый Государь Павел Петрович, то, вскорости, после своего восшествия на престол, повелел он представить Авеля пред собой.

– Твоя – сказал тогда Царь, – вышла правда. Я тебя милую. Теперь скажи: что ждет меня и мое царствование?

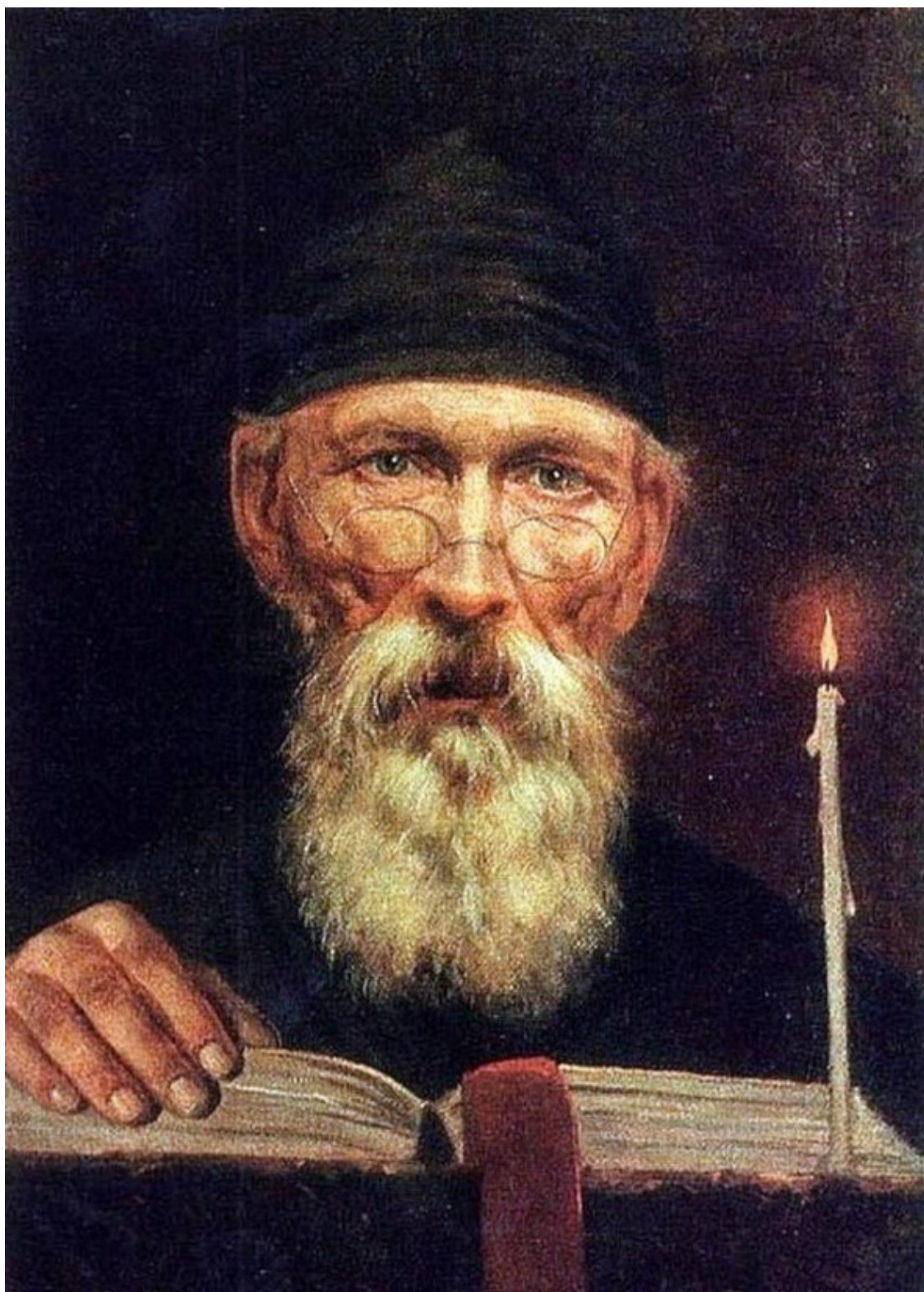
– Царства твоего, – отвечал АVELЬ, – будет все равно, что ничего – ни ты не будешь рад, ни тебе рады не будут, и помрешь ты не своей смертью».

– Когда сбылись и эти слова Авеля, то вновь пришлось ему совершить прежним порядком путешествие из крепости во дворец царский.

– Он был с миром отпущен в Невский монастырь для нового пострижения в монахи. Именно там, при втором пострижении, он и получил свое имя. Но не сиделось пророку в столичной обители – он опять появляется в Москве, где за деньги дает предсказания местным аристократам и богатым купцам. Подзаработав денег, монах отправляется в Валаамский монастырь. Но и там Авелю не живется спокойно – он снова берется за перо и пишет книги предсказаний. И снова Авеля в кандалах привозят в Санкт-Петербург и закрывают в Петропавловской крепости – «за возмущение душевного спокойствия его величества».

– Освободителем его на этот раз станет Александр I.

– Новый император отошлет монаха в Соловецкий монастырь, без права покидать стены обители. Там Авель пишет еще одну книгу, в которой предсказывает взятие Москвы Наполеоном в 1812 году и сожжение города.

Монах Авель

Предсказание доходит до царя, и тот требует утихомирить воображение Авеля в Соловецкой тюрьме.

Когда в 1812 году русская армия сдаст Москву французам, и Белокаменная, как и предсказывал монах, сгорит до дотла, впечатленный Александр I прикажет Авеля из Соловецкого монастыря выпустить, дать ему паспорт во все российские города и монастыри, снабдить деньгами и одеждой.

Авель так пророчествовал: «Француз Москву при Нем спалит, а Он Париж у него заберет и Благословенным наречется. Но не вмоготу станет Ему скорбь тайная, и тяжек покажется Ему венец Царский Подвиг служения Царского заменит Он подвигом поста и молитвы. Праведен будет Он в очах Божиих – белым иноком в миру будет».

– Если не слышали, то по легенде, Александр I не скончался в Таганроге, а обратился в старца Федора Кузьмича и пошел странствовать по Руси – об этом многие говорили достоверно. А в гроб, якобы с телом Александра I, положили его двойника – обратил внимание слушателей батюшка на это обстоятельство.

– За всю свою долгую жизнь, а жил он более 80 лет, Авель просидел за предсказания в тюрьме 21 год.

– Его знали и Екатерина II, и Павел I, и Александр I и Николай I. Они то заключали его в тюрьму за предсказания, то вновь освобождали, желая узнать будущее.

– Знали об этих предсказаниях давно. Не все, но многие.

– К примеру, еще в 1800 году в США инженер и живописец Фултон получил заказ на панораму «Сожжение Москвы». За двенадцать лет до события, заметьте!

– Вот такая непростая жизнь была у нашего провидца.

– Как и у всех остальных оракулов. Их, бедолаг, всегда или в острог, или на плаху – со вздохом произнес батюшка.

– Я сам читал в одной книге о встрече Павла I с Авелем. И даже переписал некоторые главы себе в дневник.

– Сейчас я вам их зачитаю, о-ч-ч-е-н-ь прелюбопытнейшее сочинение, доложу я вам.

Отец Михаил встал, достал с полки тетрадь, надел очки и начал читать: «В зале был разлит мягкий свет. В лучах догоравшего заката, казалось, оживали библейские мотивы на расшитых золотом и серебром гобеленах. Вокруг царили тишина и торжественность. Пристальный взор Императора Павла Петровича встретился с кроткими глазами стоявшего перед ним монаха Авеля. В них, как в зеркале, отражались любовь, мир и отрада. Императору сразу понравился этот, весь овеянный смирением, постом и молитвою, загадочный иннок. О прозорливости его уже давно шла широкая молва. К его келии в Александро-Невской Лавре шел и простолюдин, и знатный вельможа, и никто не уходил от него без утешения и пророческого совета. Ведомо уже было Императору Павлу Петровичу и то, как Авель точно предрек день кончины его Августейшей Родительницы, ныне в Бозе почивающей Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны.

Ласково улыбнувшись, Император Павел Петрович милостиво обратился к иноку Авелю с вопросом.

Честной Отец! О тебе говорят, да я и сам вижу, что на тебе явно почует благодать Божия. Что скажешь ты о моем царствовании и судьбе моей? Что зришь ты прозорливыми очами о Роде моем во мгле веков и о Державе Российской? Назови поименно преемников моих на Престоле Российском, предреки и их судьбу.

– Эх, Батюшка-Царь! – покачал головой Авель. – Почто себе печаль предречь меня понуждаешь? Коротко будет царствование твое, и вижу я, грешный, лютый конец твой. На Софрония Иерусалимского от неверных слуг мученическую кончину приемлешь, в опочивальне своей удушен будешь злодеями, коих греешь ты на царственной груди своей. В Страстную Субботу погребут тебя.

Число лет твоих подобно счету букв изречения на фронте твоего замка, в коем воистину обетование и о Царственном Доме твоём: «Дому сему подобает твердыня Господня долготу дней».

– Точно так все и произошло, ровно столько годков Господь ему и отпустил, сколько букв было в изречении том. Прямо «тютелька в тютельку» – заметил батюшка и продолжил читать.

– О сем ты прав, – изрек Император Павел Петрович.
– Девиз сей получил я в особом откровении, совместно с повелением воздвигнуть Собор во имя Святого Архистратига Михаила, где ныне воздвигнут Михайловский замок.
– Вождю небесных Воинств посвятил я и замок, и церковь.
– Зрю в нем преждевременную гробницу твою, Благоверный Государь. И резиденцией потомков твоих, как мыслишь, он не будет. О судьбе же Державы Российской было в молитве откровение мне о трех лютых игах: татарском, польском и грядущем еще – жидовском.
– Что? Святая Русь под игом жидовским? Не быть сему во веки! – гневно нахмурился Император Павел Петрович.

– Пустое болтаешь, черноризец...
– А где татары, Ваше Императорское Величество? Где поляки? Они-то были. И с игом жидовским то же будет. О том не печалься, батюшка-Царь – христоубийцы понесут свое...
– Что ждет преемника моего, Цесаревича Александра?
– Француз Москву при нем спалит, а он Париж у него заберет и Благословенным нарежется. Но тяжек покажется ему венец царский, и подвиг царского служения заменит он подвигом поста и молитвы и праведным будет в очах Божиих...

А кто наследует Императору Александру?

– Сын твой Николай...
– Как? У Александра не будет сына? Тогда Цесаревич Константин...
– Константин царствовать не восхочет, памятуя судьбу твою...
– Начало же царствования сына твоего Николая бунтом вольтерьянским зачнется, и сие будет семя злоторное, семя пагубное для России, кабы не благодать Божия, Россию покрывающая.

– Через сто лет после того оскудеет Дом Пресвятыя Богородицы, в мерзость запустения Держава Российская обратится.

– После сына моего Николая на Престоле российском кто будет?
– Внук твой, Александр Второй, Царем-Освободителем предназначенный.
– Твой замысел исполнит – крестьян освободит, а потом турок побьет и славянам тоже свободу даст от ига неверного. Не простят жида ему великих деяний, охоту на него начнут, убьют среди дня ясного, в столице верноподданной отщепенскими руками.

– Как и ты, подвиг служения своего запечатлеет он кровью царственной...

– Тогда-то и начнется тобою реченное иго жидовское?

– Нет еще.

– Царю-Освободителю наследует Царь-Миротворец, сын его, а твой правнук, Александр Третий.

– Славно будет царствование его. Осадит крамолу окаянную, мир и порядок наведет он.

– Кому передаст он наследие царское?

– Николаю Второму – Святому Царю, Иову Многострадальному подобному.

– Будет тот иметь разум Христов, долготерпение и чистоту голубиную. Искупитель будет. Искупит Собой народ Свой – бескровной Жертве подобно.

– Война будет, великая мировая война! И предан будет праправнук Твой, как некогда Сын Божий на пропятие.

– Многие потомки рода Твоего убелят одежду кровию Агнца также.

– На венец терновый сменит тот корону царскую, предан будет народом своим!

– Как некогда Сын Божий.

– Война будет, великая война, мировая...

По воздуху люди, как птицы летать будут, под водою, как рыбы плавать, серою зловонной друг друга истреблять начнут. Измена же будет расти и умножаться. Накануне победы рухнет

Трон Царский. Кровь и слезы напоет сырую землю. Мужик с топором возьмет в безумии власть, и наступит воистину казнь египетская...

Горько зарыдал вещий Авель и сквозь слезы тихо продолжал – а потом будет жид скорпионом бичевать Землю Русскую, грабить Святыни ее, закрывать Церкви Божии, казнить лучших людей русских.

– Сие есть попушение Божие, гнев Господень за отречение России от Святого Царя. О Нем свидетельствует Писание. Псалмы девятнадцатый, двадцатый и девяностый открыли мне всю судьбу эту.

– И что же, погибнет Россия? – с дрожью в голосе вопрошал Павел.

...Невозможное человеком, возможно Богу – отвечивал Авель.

– Бог медлит с помощью, но сказано в Писании, что подаст ее вскоре...

– И возстанет в изгнании из Дома Твоего князь Великий, стоящий за сынов народа Своего.

– Сей будет Избранник Божий, и на Главе Его благословение.

– Он будет един и всем понятен, его учует само сердце Русское.

– Облик Его будет Державен и Светел, и никто же речет: «Царь здесь или там», но: «Это Он»!

– Воля народная покорится милости Божией, и Он Сам подтвердит свое призвание: Имя Его трикратно суждено Истории Российской.

– Два Тезоименитых уже были на Престоле, но не Царском.

– Он же возсядет на Царский трон, как Третий.

– В нем спасение и Счастье Державы Российской. Свершатся надежды русские.

– На Софии, в Царьграде, воссияет Крест Православный, дымом фимиама и молитв наполнится Святая Русь и процветет, аки крин небесный...» – в глазах Авеля Вещего горел пророческий огонь нездешней силы.

В огромном солнечном закатном диске его пророчество сияло в безусловной истине.

Неподвижно стоял Авель.

Между монархом и монахом протянулись молчаливые незримые нити.

Император Павел Петрович поднял голову, и в глазах его, устремленных вдаль, как бы через завесу грядущего, отразились глубокие царские переживания.

– Ты говоришь, что иго жидовское нависнет над моей Россией лет через сто? – повторил вопрос Павел.

– Прадед мой, Петр Великий, о судьбе моей рек то же, что и ты.

– Почитаю и я за благо со всем, что ныне прорек ты мне о потомке моем Николае Втором предварить его, дабы пред ним открылась картина судеб.

– Да ведает праправнук свой крестный путь, славу страстей и долготерпения своего...

– Запечатлей же, преподобный отец, реченное тобою, изложи все письменно, я же вложу предсказание твое в нарочитый ларец, положу мою печать, и до праправнука моего, писание твое будет нерушимо храниться здесь, в кабинете Гатчинского дворца моего.

– Иди, Авель, и молись неустанно в келии своей о мне, Роде моем и счастье нашей Державы.

И, вложив представленное писание Авелево в конверт, на оном собственноручно начертать соизволил: «Вскрыть Потомку Нашему в столетний день Моей кончины.»

– Вот такие, дела, други моя!

– До сегодняшнего дня все исполнилось в точности, как и предсказал монах.

– Царь наш отрекся от престола, и не дай, Господь, что это станет закатом правления Романовых и концом монархии – с горестью закончил свой рассказ батюшка.

– Вот и ты, Андрей, говоришь, что пришли к власти враги Церкви, а, значит, началось это самое бесовское правление.

– Год 1918 уже на пороге!

– Да, батюшка, Вы правы, – вступил в разговор Андрей, до этого не произнесший, как и все остальные, ни слова. Понятно теперь, что эти предсказания, несомненно, объясняют поведение Николая II.

– Мне рассказывал Юденич, что в 1909-м году Столыпин предлагал Государю важную меру внутренней политики, на что получил ответ: «Мне, Петр Аркадьевич, не удастся ничего из того, что я предпринимаю».

– Столыпин протестует, а Царь у него спрашивает: «Знаете ли вы, когда день моего рождения?»

– Разве я мог бы его не знать? – 6-го мая – отвечает Столыпин.

– А какого Святого праздник в этот день?

– Простите, Государь, не помню!

– Иова Многострадального.

– Слава Богу! Царствование Вашего Величества завершается со славой, так как Иов, смиренно претерпев самые ужасные испытания, был вознагражден благословением Божиим и благополучием – обрадовался было Столыпин.

– Нет, поверьте мне, Петр Аркадьевич, – продолжил Государь – у меня более, чем предчувствие, у меня в этом глубокая уверенность – я обречен на страшные испытания, но я не получу моей награды здесь, на земле.

– Сколько раз применял я к себе слова Иова: «Ибо ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня, и чего я боялся, то и пришло ко мне».¹²

– Все свершилось, как и предсказывал монах, – с горестью повторно произнес батюшка – и царь отрекся, и о судьбе царской семьи ничего не слышно, и бунт страшный грядет.

– Церковь, как может, пытается, хотя бы, отсрочить этот бунт, достучаться до умов и сердец православных.

¹² Иов 3, 25

– Завтра на Поместном Соборе, Бог даст, восстановим патриаршество на Руси. Может хоть этот шаг спасет православие

– Надеемся все же сплотить народ вокруг пастыря своего – Патриарха Российского. Нет более царя у нас, нет помазанника Божьего, а, значит, глава церкви должен повести народ далее. Но мне кажется, что запоздали мы с таким решением. Не верит народ никому – ни власти, ни церкви. Понимают, что они далеки от народа и решают свои задачи, которые к бедам народным не имеют отношения.

– Надясь, было мне во сне видение – я Ванюше рассказал уже, – будут разрушены Храмы, большие испытания выпадут на долю нашей православной Церкви.

– Потому, дети мои, ждать нечего!

– Пока Андрей здесь, сегодня же ночью нам предстоит спрятать особо ценные церковные предметы, книгу и определить место, в котором будем оставлять сообщения друг другу. Спрячем в этот тайничок для связи и наши невеликие семейные богатства, мало ли когда возникнет нужда в средствах.

– Не трогать же церковное, оно не наше, Богу и людям принадлежит.

– Господи, прости нас, грешных, не ведал я, что придется хорониться, как перед иноземным нашествием. От своих, русских людей прятаться приходится. Хотя и не люди они сейчас. Дьявол в них вселился, не ведают они того, что творят! Постигнет их вождей кара божья, как постигла уже богоотступника, предателя Церкви попа Гапона.

– Горе тем, которые постановляют несправедливые законы и пишут жестокие решения¹³, тем более – творящие измену и беззакония по отношению к Богоизбранному Русскому Народу!

– Готовьтесь, дети мои, через час пойдем. Я составил список того, что нужно убрать от глаз врагов. Это святыни нашего Храма, то, что находится на престолах – священные сосуды, дарохранительницы, кресты, Евангелия. Спрячем также от поругания вместилища святых мощей и особо чтимые иконы.

– Батюшка, простите, срывающимся от волнения голосом тихонько сказал Ванюша – Вы обещали рассказать о тайне книги.

– Потом отрок, все завтра...

– Сделаем дело, а рассказы на потом оставим. Через час все, кроме матушки, собираемся здесь же. Помолимся усердно, да и исполним, что нам положено исполнить.

– Тебе, отрок, скажу пока только то, что книга моя и есть одна из книг монаха Авеля. В одном письме к графине Потемкиной Амель сообщал, что сочинил для нее несколько книг, которые и обещал выслать в скором времени.

– Оных книг, – писал Амель, – со мною нет. Хранятся они в сокровенном месте. Оные мои книги удивительные и преудивительные, и достойны те мои книги удивления и ужаса.

– А читать их только тем, кто уповает на Господа Бога.

– История о том, как книга попала ко мне, отдельного рассказа достойна. Но все рассказы – потом, а сейчас, помолимся, любимые мои: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

– Аминь!

¹³ Ис. 10,1

Глава 14. Тайна церковного клада

Из дому вышли уже затемно, шли без огня, в нем не было необходимости – луна светила ярко, во весь свой огромный полный круг.

Ванюша никак не мог унять дрожь, то ли от первых заморозков, то ли от волнения.

А может, просто страшновато было, ну, совсем капельку.

В Храме тоже свечи, покамест, не зажигали.

Дверь за собой заперли, заложили поперечину, закрыли задвижки.

– Давайте вначале я покажу вам место, где будет храниться книга, а тако же наши семейные ценности.

– И где мы, в случае необходимости, будем оставлять письма друг для друга. А уже потом поместим в другой тайник храмовые ценности – батюшка подошел к иконе Николая Чудотворца и нажал на одно из креплений иконы, висящей в центре стены, что у придела Алексея – человека Божия.

Чуть скрипнули невидимые рычажки, и часть стены вместе с иконой Смоленской Божьей Матери медленно отъехала в сторону.

Андрей и Ванюша вслед за батюшкой вошли через образовавшийся узкий проход в небольшую нишу, расположенную прямо за потайной дверью.

Батюшка достал с полки свечу, зажег ее. Потянул на себя дверь и захлопнул ее.

– Смотрите, вот на этот рычаг нужно нажать, чтобы дверь снова открылась, когда путь назад держать будем – предупредил отец Михаил.

Ниша, в которой они стояли, переходила в узкий коридор, двигаться по которому можно было только на четвереньках в одну сторону.

– Смелее, отрок – подбодрил батюшка Ваню, ползи без боязни, я здесь бывал много раз, коридорчик небольшой, десять аршин, не более. Я буду впереди, ты – за мной, а Андрей – замыкающим.

Коридорчик привел к люку, и, далее по лестнице все спустились в подвал.

Подвал был похож на старинный полуразрушенный замок с непонятными конструкциями из дерева и металла. Стены подвала были сложены из неровных глыб белого камня – это был фундамент здания церкви.

Над головой висели балки, сделанные из прочного, почерневшего от времени, дерева.

Стоять в полный рост здесь мог только Ваня, батюшке с братом пришлось присесть на невесть откуда взявшиеся тут старинные скамьи.

– Вот мы и на месте, слава Богу! Ну как вам мои секреты? – улыбнулся батюшка.

– Как в сказке! – прошептал восторженно Ваня, – а что дальше?

– Потерпи, отрок, дай отдышаться – батюшка вытер пот со лба – сейчас вы все увидите.

– Это помещение, кстати, только здесь такой высоты, а если попытаться пробраться под фундаментом с трех остальных сторон храма, высота там будет такая, что даже ползком протиснуться невозможно. Кроме того, перекрытия ветхие и ползти очень опасно, завалит – хоронить не надо!

– Андрей, подойди к стене справа от себя, встань к ней лицом и найди блочный камень в третьем ряду снизу, пятый слева.

– Отсчитал? Теперь надави на него. Еще разок, теперь порядок...

– Видишь, камень углубился, теперь протяни руку правее от отверстия. Нашел сверток?

– Да, есть что-то.

– Доставай – и в руках у Андрея оказался сверток, в котором находился тот самый загадочный сундучок, из которого батюшка всегда извлекал волшебную книгу.

– Вот теперь вы знаете место, где у нас будет почтовый ящик. Андрей, ставь сундук назад и положи туда же мешочек, который я захватил из дому. Здесь деньги и наши фамильные ценности.

– Ваня, теперь ты подойди к тайнику, надави на камень, он должен вернуться на свое место.

– Вот так, молодец! Теперь открой и снова закрой тайник.

– Хорошо!

– Сейчас я вам покажу еще один потайной выход, на всякий случай. Если все хорошо – можно вернуться тем же путем, что пришли сюда. А при необходимости можно воспользоваться запасным выходом, который ведет на окраину села, к реке нашей Альбе. Оттуда же можно будет попасть в подвал, если, к примеру, не дай Боже, конечно, здание Храма сгорит или через центральный вход нельзя будет войти.

Но лучше пользоваться входом из Храма, чтобы ненароком не раскрыть тайны. Мало ли, увидит кто, как ты через дыру земной тверди шастаешь, да и пойдет за тобой.

– Так вот, этот тайный выход здесь же, только, чтобы его открыть, надо нажать на второй камень в нижнем ряду.

– Но помните про одну хитрость – выход откроется только тогда, когда будет закрыт вход из Храма и задвинут камень с тайником.

– А теперь Андрей я возвращаюсь назад и буду передавать тебе ценности из алтаря в люк, а ты будешь передавать их Ване.

– Ванюша, ты аккуратно складывай все перед люком, а потом мы переместим все в тайник.

Эта работа заняла почти час, и, наконец, все ценности, предназначенные к помещению в тайное место, оказались аккуратно уложенными вдоль стены.

– Андрей, теперь понадобится твоя силенка.

– Подойди к этой балке, видишь кольцо бронзовое?

– Да, отец, что дальше?

– Ты должен аккуратно повернуть его направлением по часовой стрелке семь раз. Смотри – не ошибись, а то придется ждать три часа до следующей попытки.

– Готово!

– Теперь – в обратном направлении – три раза. Молодец, отойди в сторонку.

Через минуту, как по волшебству, беззвучно открылась часть стены высотой примерно в Ванин рост.

– Возьми свечу и посвети нам, отрок – почему-то шепотом попросил батюшка Ванюшу.

За открывшейся дверью оказалась небольшая комнатка, в которой стояли старинные сундуки, картины, большие храмовые иконы.

– Вот это дела!! Вот это клад!! Пещера сокровищ, да и только!! – глаза братьев горели восторгом.

– Ваня, не отвлекайся, а ты, Андрей, извини меня, что тебе я не рассказал заранее.

– Хотелось удивить тебя, эх, гордыня проклятая!

– Ваня-то знает об этой комнате со вчерашнего дня. Все это устроил настоятель Храма во времена французского нашествия, а я нашел. Сначала карту и наставление, а потом, и сам схорон.

– Ну, ребятки, давайте поспешать. Складывайте аккуратненько все сюда, закроем, да и пойдем почивать с Богом. Может, и зря будут все эти наши хлопоты, но, как говорится – береженого – Бог бережет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.